

Мои воспоминанія объ архимандритѣ Феодорѣ (А. М. Бухаревѣ).

Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ способствовать, сколько могу, возстановленію въ истинномъ видѣ въ памяти общества духовнаго облика моего незабвеннаго учителя и отца,—архимандрита Феодора,—въ мірѣ Александра Матвѣевича Бухарева. Берусь за это дѣло въ исполненіе его же завѣта, хотя и не ко мнѣ обращеннаго. Не задолго уже до своей смерти покойный говорилъ женѣ своей,—Аннѣ Сергѣевнѣ: „если послѣ моей смерти будутъ хвалить меня,—ты,—пожалуйста,—не слушай этой лести, помни, какъ забывали меня — живого; но если мое дѣло поймутъ въ его истинномъ значеніи,—тогда можешь порадоваться“. И еще: „если послѣ моей смерти будутъ писать обо мнѣ неправду,—хотя бы въ похвалу мнѣ,—ты сейчасъ же возстанови истину“. „Истина“ и „его дѣло“ для архимандрита Феодора всегда, до послѣднихъ минутъ его жизни, были дороже его лица, его чести. А нравственный обликъ о. Феодора,—особенно по сложеніи имъ съ себя монашества и послѣдовавшей затѣмъ женитьбы,—и при жизни былъ предметомъ пререканій,—для многихъ же и предметомъ соблазна,—и до нашихъ дней многими перетолковывается, и не только въ порицаніе, но даже иногда и „въ похвалу“ ему. Одни, считающіе себя поборниками православія и церковности, на сложеніе о. Феодоромъ монашества и его женитьбу` смотрятъ какъ на паденіе и съ торжествомъ указываютъ въ этомъ прямое практическое проявленіе его будто бы уклоненія отъ чистоты и простоты православія. Другіе въ сложеніи имъ монашества и вступленіи въ бракъ хотятъ видѣть намѣренный практи-

ческой протестъ противъ монашества, и даже вообще противъ церковности,—противъ самаго православія. Напередъ знаю, что мои воспоминанія не удовлетворятъ ни тѣхъ, ни другихъ; ревнители православія не перестанутъ смотрѣть на о. Теодора какъ на самообольщеннаго, какъ на несчастнаго измѣнника святымъ обѣтамъ; люди другаго лагеря то же—едва-ли повѣрятъ мнѣ и разстанутся съ своимъ взглядомъ на экс-монаха А. М. Бухарева, какъ на протестанта-исповѣдника и мученика идей гуманизма и научной истины. Но я увѣренъ, что мое стараніе возстановитъ истинный образъ моего учителя,—а особенно если бы трудъ мой помогъ кому нибудь „понять въ истинномъ значеніи дѣло“ жизни о. Теодора,—будетъ ему гораздо пріятнѣе, чѣмъ ореоль исповѣдника и мученика, когда имъ украшаютъ память его по недоразумѣнію. Вотъ почему предпринимая изданіе моихъ воспоминаній объ о. Теодорѣ, я заинтересованъ прежде всего тѣмъ, чтобы не подвергалась сомнѣнію ихъ вѣрность дѣйствительности. Въ этихъ видахъ, позволяю себѣ обратить вниманіе читателей на то обстоятельство, что мои личные воспоминанія объ о. Теодорѣ записываются не черезъ 34 года или черезъ 45 лѣтъ послѣ того, какъ случилось мною описываемое, и послѣ того, какъ получены были мною впечатлѣнія, составляющія содержаніе настоящихъ воспоминаній; такая отдаленность по времени изложенія воспоминаній отъ воспоминаемыхъ рѣчей и событій, могла бы навести на послѣднія особый колоритъ, а это убавляло бы долю ихъ достовѣрности. Чтобы устранить и такое подозрѣніе въ ненамѣренномъ съ моей стороны удаленіи отъ истины, я пользуюсь при изложеніи настоящихъ воспоминаній собственными моими письмами, писанными къ родителямъ въ періодъ моей академической жизни (1854—1858). Этотъ матеріаль воспоминаній буду восполнять выдержками изъ собственныхъ писемъ о. Теодора ко мнѣ и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ,—писемъ, обнимающихъ періодъ времени съ 1858 г. по 1869-й. Затѣмъ уже, въ дополненіе къ этимъ, самымъ автентичнымъ матеріаламъ для будущей біографіи о. Теодора, буду пользоваться письмами и разказами другихъ лицъ, стоявшихъ въ непосредственныхъ, болѣе или менѣе близкихъ внутренно отношеніяхъ къ моему учителю. Наконецъ, для „возстановленія истины“, для „выясненія въ

истинномъ его значеніи дѣла“ о. Ѳеодора я буду обращаться по мѣстамъ и къ напечатаннымъ уже его сочиненіямъ, когда въ нихъ онъ самъ выясняетъ это дѣло и возстановляетъ перетолковываемую истину. Сочиненія его имѣли такой ограниченный кругъ читателей, что выдержки изъ нихъ очень для немногихъ могутъ оказаться повтореніемъ уже извѣстнаго.

Нахожу нужнымъ предпослать своимъ личнымъ воспоминаніямъ объ о. Ѳеодорѣ то, что извѣстно мнѣ отъ него самого о принятіи имъ монашества. Авторъ біографической замѣтки, напечатанной въ Голосѣ вскорѣ послѣ кончины о. Ѳеодора (1871 годъ № 121), говоритъ объ этомъ такъ: „Бывшій архимандритъ Ѳеодоръ, по снятіи сана Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ родился въ Тверской епархіи. Какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ семинаріи, онъ былъ отправленъ въ Московскую духовную Академію. Здѣсь онъ учился съ такими же отличными успѣхами и, окончивъ курсъ въ 1846 году третьимъ магистромъ (около 24 лѣтъ отъ роду) оставленъ при академіи бакалавромъ по кафедрѣ Свящ. Писанія. Незадолго предъ окончаніемъ курса (8 іюня того же года) онъ принялъ монашество съ именемъ Ѳеодора. Побужденіемъ къ „принятію монашества были“ главнымъ образомъ его болѣзненность и сосредоточенность. О бракѣ онъ боялся и подумать. По собственнымъ его словамъ, если пугался онъ чѣмъ вибудь во снѣ, то это только грезами, что его или сватаютъ, или ведутъ къ вѣнцу. О крайней болѣзненности Александра Матвѣевича при его постриженіи, которая, по мнѣнію очевидцевъ этого поразительнаго обряда, должна была служить для него побужденіемъ принять монашество, потому уже можно судить, что жители Троицкаго посада говорили тогда: „ну, это уже онъ на-смерть постригается“. Въ 34,—въ 35 лѣтъ, когда я впервые увидаль о. Ѳеодора, онъ иногда уже казался старикомъ. „У меня были подорваны всякія жизненныя основы“, говорилъ онъ самъ о себѣ и—именно о томъ, приблизительно, времени, когда онъ принималъ постриженіе. Тѣмъ не менѣе, едва ли справедливо предположеніе, что для студента Бухарева побужденіемъ къ отреченію отъ міра была мысль о близости смерти и о своей непригодности для земной жизни. О. Ѳео-

доръ послѣ съ добродушнымъ смѣхомъ вспоминалъ, какъ другіе обрекли его тогда на смерть и желаніемъ приготовиться къ смерти объясняли его постриженіе. Гораздо съ большей вѣроятностью рѣшеніе его принять монашество слѣдуетъ объяснять его желаніемъ „не оставаться въ воинствѣ Христовомъ рядовымъ воиномъ, когда ощущается самая настоятельная нужда въ офицерахъ“, и — глубокимъ убѣжденіемъ его, что уклоняться отъ передовыхъ постовъ на этой духовной брани непозволительно и даже преступно для сознающихъ себя способнѣе другихъ занимать такіе посты. По крайней мѣрѣ, такъ именно о. Ѳеодоръ, будучи уже инспекторомъ академіи, по порученію ректора, убѣждалъ къ принятію монашества одного изъ студентовъ, котораго также имѣлось въ виду оставить при академіи бакалавромъ. Но не безъ тяжелой внутренней борьбы, не безъ продолжительнаго—предварительнаго размышленія, не безъ молитвеннаго подвига вступилъ Александръ Матвѣвичъ на путь иноческаго самоотреченія. Привожу рассказъ объ этомъ самого о. Ѳеодора, записанный мною почти тотчасъ же,—въ Декабрѣ 1857 года. Я писалъ: „Онъ (о. Ѳеодоръ) припомнилъ, какъ самъ онъ принялъ монашество,—какъ онъ прежде даже и въ мысляхъ не имѣлъ ничего подобнаго;—какъ ихъ инспекторъ, а потомъ ректоръ академіи—Евгеній ¹⁾ однажды, призвавши его, началъ спрашивать, не знаетъ ли онъ,—кто бы пошелъ изъ ихъ курса въ монахи?—и перечислялъ: не тотъ ли, не тотъ ли? А этотъ Евгеній очень любилъ о. Ѳеодора и часто съ нимъ бесѣдовалъ по вечерамъ, такъ что не рѣдко продерживалъ его „за-полночь“. „И каждый разъ“, говорилъ о. Ѳеодоръ, „я выносилъ отъ него удивительное успокоеніе и душевную пользу. Я,—правда,—больше все молчалъ да слушалъ, а онъ—все говорилъ; хотъ и онъ,—правду сказать,—тоже не отличался даромъ-то слова: да, уже—такъ,—какъ-то Богъ ему давалъ; такъ,—какъ ручеекъ,—и течетъ, и течетъ.... бывало,—слушаешь — только часы за часами летятъ, да думаешь, про себя: ахъ! какъ бы не отпустить скоро! когда бы еще часочекъ! Мнѣ стало какъ-то горько,—продолжалъ о. Ѳеодоръ, что онъ, перечисляя дру-

¹⁾ Скончался на покоѣ въ Симбирскѣ, послѣ управленія, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Симбирскою епархіею.

гихъ, не спрашивалъ обо мнѣ, тогда какъ естественно уже было спросить. И я сказалъ: а что же это обо мнѣ-то Вы не позаботитесь, Ваше Высокопреподобіе!—И только этого и ждалъ,—заговоришь ли ты самъ, отвѣчалъ ему Евгеній. Но о. Ѳеодоръ тутъ сталъ прилагать ему свои затрудненія и Евгеній пробесѣдовалъ съ нимъ въ этотъ разъ до разсвѣта. Только,—ничего не сдѣлалъ; а покончили они дѣло тѣмъ, что Евгеній наложилъ на него послушаніе: три недѣли (это было въ Великомъ Постѣ) бывать каждый день хоть у одной службы: у обѣдни, у утрени или у вечерни, — заниматься все это время этой мыслью и молиться словами псалма: *скажи ми, Господи, путь, въ онъ же пойду!* О. Ѳеодоръ рассказывалъ дальше о борьбѣ своей въ это время и—какъ, по истеченіи трехъ недѣль, онъ пришелъ къ Евгенію съ тѣмъ же отрицательнымъ отвѣтомъ. Последнюю недѣлю, по заповѣди Евгенія, о. Ѳеодоръ опять говѣлъ, продолжая—впрочемъ—посѣщать церковь также только однажды въ день. Евгеній сильно опечалился такимъ неуспѣхомъ ихъ молитвы; (онъ обѣщался молиться—въ тоже время—и самъ); опять ночь до разсвѣта проведена была въ бесѣдѣ. Наконецъ, Евгеній сказалъ, что, ужъ если Господу не угодно было открыть имъ иначе Свою волю, то остается прибѣгнуть къ послѣднему средству, къ которому—дѣйствительно—прибѣгали въ подобныхъ неразрѣшимыхъ случаяхъ и въ древности многіе святыя мужи. Онъ повелъ его въ свою спальную, сталъ передъ образами, велѣлъ молиться ему и положилъ самъ три земныхъ поклона; потомъ велѣлъ ему взять книгу и предоставить рѣшеніе своей участи тому, что откроется для него; но велѣлъ ему твердо вѣровать. Книга была русская псалтирь; о. Ѳеодоръ раскрылъ ее и его глаза упали на слѣдующія слова псалма: „Воздавайте и совершайте обѣты ваши Господу“; за этимъ слѣдовало какое-то обѣтованіе, укрѣплявшее надежду“. Прерываю выписку изъ письма, чтобы привести здѣсь въ точности слова псалма, принятыя чуткой душой о. Ѳеодора какъ прямое, ясное и непререкаемое указаніе ему воли Божіей,—какъ прямой отвѣтъ на его вопрошеніе вѣрою и молитвою. Безъ сомнѣнія, это были слова псалма ХІІХ-го. „Въ жертву Богу принеси хвалу и соверши предъ Всевышнимъ обѣты твои“ (ст. 14-й). Слово „воздавайте“, оставшееся въ памяти о. Ѳеодора при пере-

дачѣ этого мѣста псалма на память, заимствовано имъ изъ славянскаго текста псалма; въ славянскомъ, — дѣйствительно, — стоитъ: „воздаждь Всевышнему“, но не обѣты, а „молитвы твоя“. Господь пощадилъ и безъ того изнемогаго раба Своего отъ возможности дальнѣйшихъ еще сомнѣній и колебаній: случилось, какъ говоримъ мы обыкновенно, — т. е. помимо нашихъ намѣреній и расчетовъ, Господь устроилъ такъ, что Псалтирь взята была не на славянскомъ языкѣ, а въ русскомъ переводѣ съ подлинника, гдѣ ясно говорится не о молитвѣ вообще, а объ обѣтѣ и жертвѣ. Дальнѣйшія слова псалма, дѣйствительно, составляютъ ободреніе души, измученной сомнѣніями и изнемогшей отъ трехнѣдѣльнаго духовнаго подвига. „Призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя“ (ст. 15). Весь псаломъ говоритъ о томъ, что Господь не довольствуется привычными выраженіями богопочтенія и богоугожденія, а требуетъ большаго „отъ святыхъ своихъ, вступившихъ съ Нимъ въ завѣтъ при жертвѣ“. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ Матвѣевичъ, прежде чѣмъ рѣшился прославить Господа, „совершивши предъ Нимъ“ ивоческіе „обѣты“ свои, не разъ читаль и перечитываль этотъ псаломъ, со всегдашнею своею вдумчивостію, углубленіемъ мысли въ каждое слово Писанія и съ широкимъ соображеніемъ общаго смысла Откровенія въ данномъ мѣстѣ: образчикъ такого углубленія въ смыслъ Божественнаго Откровенія оставилъ намъ о. Теодоръ въ своихъ изъясненіяхъ Псалмовъ пророческихъ и Посланія къ Римлянамъ. Продолжаю выписку изъ письма: „Такимъ образомъ, рѣшеніе было сдѣлано. Но все еще не безъ стѣсненія сердца сходилъ о. Теодоръ по лѣстницѣ отъ инспектора“ (т. е. Александръ Матвѣевичъ отъ архимандрита Евгенія). „Вдругъ, продолжалъ о. инспекторъ, (инспекторомъ здѣсь въ письмѣ называется уже о. Теодоръ, а не Евгеній) какъ будто бы мнѣ кто шепнулъ на ухо эти слова: „не Богу ли повинется душа моя?“ (Пс. LXI, 2) и мнѣ въ тоже время на душѣ стало такъ легко, что даже какъ будто бы вдругъ пропала и тѣлесная немощь, которая, — помню — въ то время жестоко мучила меня. Былъ у меня одинъ товарищъ, который особенно любилъ меня, такъ что во многихъ случаяхъ замѣнялъ мнѣ какъ бы брата; а иногда даже и просто былъ какъ мать: (теперь уже онъ умеръ: а былъ

онъ профессоромъ во Владимірѣ); такъ я видѣлъ, что это его глубоко огорчало, такъ что онъ даже плакалъ; потому что онъ видѣлъ, что тутъ я былъ,—дѣйствительно,—въ страшной опасности,—какъ бы не попасть въ это ложное-то направленіе ¹⁾; хотя я это и скрывалъ отъ него, но ужъ онъ послѣ то мнѣ говорилъ, что чувствовало его сердце, хоть онъ еще этого и не зналъ. Написалъ я къ батюшкѣ и къ матушкѣ; матушка мнѣ отвѣчала, что она уже отдала меня разъ Божіей Матери; такъ пусть Она, что Сама знаетъ, то со мной и дѣлаеть. И когда меня постригали, тутъ сошлось все вмѣстѣ: и экзамень-то, и курсовое-то сочиненіе, да и обыкновенная моя болѣзненность; такъ это все до такой степени меня изнурило, что—которые пришли тутъ посмотрѣть на мое постриженіе—такъ говорили: „ну, ужъ это онъ, знать, на-смерть постригается“.

Итакъ болѣзненность и сознаніе своей непригодности для земной жизни не могутъ считаться рѣшающими дѣло побужденіями въ избраніи о. Теодоромъ жребія отреченія отъ міра. А съ другой стороны, совершенно чужды были студенту Бухареву житейскіе разсчеты и мечты честолюбія при вступленіи въ ряды ученаго монашества, составляющаго у насъ прямой и исключительный путь къ высшимъ степенямъ духовной іерархіи. И—такъ какъ Самому Господу „повинулася душа“ архимандрита Теодора, когда онъ совершалъ великій рѣшительный шагъ своей жизни, то Самъ Господь указалъ ему путь необычный, путь, который онъ шествовалъ до конца... Но, всего лучше, вотъ собственныя слова о. Теодора о томъ, съ какими мыслями и расположеніями всталъ онъ на этотъ путь—принятіемъ монашества: „Я пошелъ въ монашество“, писалъ онъ ко мнѣ 25-го сентября 1862 г., „чтобы сердцемъ принадлежать одному Господу (обѣтъ дѣвства), управляться однимъ Господомъ, (обѣтъ по-

¹⁾ О. Теодоръ говорилъ о хорошо извѣстномъ уже его слушателю изъ другихъ его бесѣдъ направленіи набожности вообще и монашества въ частности, когда началомъ нравственной жизни ставится слово пророка: *кійждо спасая да спасеть свою душу* (ер. LI, 6. см. Быт. XIX, 17) т. е. „спасайся самъ,—кто какъ можетъ, не думая уже объ общемъ спасеніи“, какъ на горящемъ и тонущемъ кораблѣ; причемъ проповѣдующіе это начало одиночнаго спасенія забываютъ, что въдъ пророкъ говоритъ о гибели Вавилона, они же находятся въ кораблѣ Церкви Христовой, а не въ Вавилолѣ или въ обреченномъ на огненную погибель Содомѣ.

слушанія), да и пользоваться только Господнимъ“ (обѣтъ нестяжательности). И еще сильнѣе выражался онъ въ другомъ письмѣ, „говоря о настроеніи“ своемъ, о своихъ стремленіяхъ и внутреннихъ затрудненіяхъ того времени, „когда сряжался идти въ монашество“. „Что же,—говорилъ онъ, ужели склавши ручки смотрѣть, какъ—нешадно, словно отъ поджоговъ—горить дѣло у благочестиво-мыслящихъ и у занимающихся земнымъ?.. надо идти къ самому средоточію общей—пожалуй—опасности“. (Письмо къ А. А. Лебедеву, протоіерею Казанскаго Собора въ С.-Петербур. 3 іюля 1862 г.). „Я вступилъ въ монашество“, какъ на путь „небезопасный, но въ... духъ и съ словомъ: ей!—Богу содѣйствующему“. (Къ нему же письмо 29 авг. 1862 г.).

Какъ же началось, какъ постепенно сложилось и развилось въ молодомъ Бухаревѣ его богословское міровоззрѣніе — столь своеобразное, что въ богословской литературѣ онъ не имѣетъ ни предшественниковъ ни преемниковъ и продолжателей ¹⁾ и столь властительное, что оно влечетъ молодаго студента, противъ воли его, въ суровый подвигъ монашества, а потомъ зоветъ обратно въ міръ, и—уже не

1) Если о. Феодора можно признать чѣмъ-либо продолжателемъ въ богословствованіи,—то—развѣ только — Филарета Митрополита Московскаго. Это преемство духа особенно замѣтно, если сопоставить „Записки на Кн. Бытія“ М. Филарета и монографію о. Феодора „О міротвореніи“—тоже записки на первыя двѣ главы кн. Бытія. Святитель Московскій съ какой-то, свойственной ему, ревливой малообщительностью мысли, всегда заботился не столько о возможно-широкомъ распространеніи истинъ Православія, сколько о строгой отчетливости ихъ выраженія, особенно же въ печатномъ словѣ. Такъ и въ своихъ Запискахъ на кн. Бытія онъ очень часто ставитъ только вопросъ, а вмѣсто отвѣта на него—замѣчаетъ лишь, что нѣтъ особенной надобности искать и домогаться этого отвѣта. О. Феодоръ въ книгѣ О міротвореніи очень часто беретъ этотъ оставленный безъ отвѣта вопросъ и объяснивъ надобность въ отвѣтѣ и важность его, продолжаетъ прерванное его учителемъ богословствованіе въ томъ же точно духѣ и направленіи и на поставленный Митроп. Филаретомъ вопросъ представляетъ рѣшеніе. Въ раскрытіи духовно-таинственнаго смысла Писанія о. Феодоръ является ученикомъ прежде всего Ап. Павла, но тоже по руководству и прамѣру Митроп. Филарета въ его Запискахъ на кн. Бытія. Вообще въ сочиненіяхъ о. Феодора повсюду видны слѣды глубокаго изученія имъ твореній Митрополита Филарета, изъ которыхъ онъ иногда беретъ текстъ и комментируетъ его, развивая собственныя свои воззрѣнія. См. напримѣръ „о Православіи въ отношеніи къ современности“ стр. 4, 24, 57, 264, 289.

юнаго, способнаго къ увлеченіямъ, а мужа, въ лѣтахъ духовной зрѣлости, а по тѣлу—человѣка, стоявшаго одной ногой въ могилѣ. Документами для начертанія исторіи духовнаго развитія студента Бухарева и образованія у него совершенно самостоятельнаго, одиноко стоящаго міросозерцанія могли бы послужить семинарскія и студенческія въ академіи „разсужденія“ и проповѣди его, но едва ли это теперь возможно; хотя по семинаріямъ и былъ прежде обычай,—сохранявшійся и до 50-хъ годовъ—лучшія сочиненія лучшихъ воспитанниковъ послѣдняго богословскаго класса переписывать, переплетать въ одну книгу и сдавать въ фундаментальную семинарскую бібліотеку на храненіе. Хорошо было бы навести справки въ бібліотекахъ Тверской семинаріи и Московской академіи, не сохранились ли тамъ богословскія сочиненія студента А. Бухарева и уже навѣрное хранится курсовое сочиненіе іеромонаха Феодора, сданное Конференціею Академіи, по представленіи къ утвержденію его въ степени магистра ¹⁾.

По вопросу о томъ, какъ развивалась и крѣпла мысль о. Феодора, подъ вліяніемъ какихъ возбужденій отвлѣ усвоила она и перерабатывала, построая въ строгую и своеобразную богословскую систему содержаніе научныхъ и литературныхъ произведеній того времени, укажу одно мѣсто изъ собственныхъ сочиненій о. Феодора. Здѣсь онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, какъ бы о комъ-то другомъ; но я знаю изъ личныхъ его бесѣдъ со мной, что это относится къ нему самому и именно ко времени его студенчества въ Московской академіи. Онъ пишетъ: „Мнѣ лично извѣстенъ одинъ человѣкъ, который чрезвычайную пользу, относящуюся именно къ богословскому его образованію получалъ отъ свѣтскаго писателя. Когда во мнѣ, говорилъ этотъ человѣкъ, только что возбуждалась самостоятельная мысль, я любилъ читать въ Отечественныхъ Запискахъ статьи относящіяся къ критикѣ, писанныя покойнымъ Бѣлинскимъ. Само собою разумѣется, что настоящаго значенія его мыслей я не понималъ, или—лучше,—понималъ ихъ по своему. Извѣстно, что онъ иногда въ развитіи своихъ мыслей цитовалъ тексты изъ Свящ. Писанія: Онъ давалъ этимъ текстамъ свою

¹⁾ По введеннымъ справкамъ въ бібліотеку Московской Академіи никакихъ рукописныхъ сочиненій А. М. Бухарева не имѣется. *Прим. ред.*

мысль, а я понималъ ихъ въ надлежащемъ значеніи и со-
отвѣтственно этому понималъ всю его рѣчь. И потому вы-
ходило, что слѣдя систему его мыслей, извращавшую Хри-
стову истину, я въ своемъ умѣ развивалъ живую систему
самой Христовой истины. И сколько—помню—радости было
у меня, что вотъ, наконецъ, взялись люди за умъ,—углуб-
ляться въ премудрость Божію и раскрывать ея свѣтъ для
всякихъ дѣлъ! И обманывался; но благодаря именно такому
чтенію Бѣлинскаго, мысль моя довольно развилась и окрѣпла
въ свѣтломъ, живомъ и отчетливомъ направленіи Вѣры.
Добрыя слѣдствія этого для меня вышли самыя неоцѣнен-
ныя. Съ одной стороны, я уже никакъ не останавливался на
одной буквѣ текстовъ, изучаемыхъ въ богословскихъ на-
укахъ; умъ мой, вѣрный направленію Вѣры, всегда стре-
мился входить въ самую силу догматовъ и святые отцы для
меня были авторитетами живой, обнимающей,—въ высшихъ
своихъ представителяхъ,—все современное имъ образованіе,—
мысли Вѣры. Съ другой стороны, когда случалось слышать и
изучать ту или другую науку по началамъ новѣйшей филосо-
фіи, умъ мой всегда работалъ на возведеніи этой науки и
началъ ея къ истинѣ Христовой, какъ это было у меня
(только не такъ сознательно) и при чтеніи Бѣлинскаго мысль
моя такъ настроилась, что безотчетно не поддавалась въ
наукѣ никому и ничему, обращая все въ разумное по вѣрѣ
служеніе Христу (Рим. XII, 1). Такъ-то говорить черѣдко
этотъ близкій ко мнѣ человекъ, заключаетъ о. Феодоръ,
употребляя извѣстный оборотъ евангельской рѣчи (Io. XXI,
24; XIX, 35), „и знаю, что онъ говоритъ совершенную правду“.
(Три письма къ Гоголю. Предисловіе къ читателю, стран.
6 и 7-й) Очень мало извѣстно мнѣ,—можно сказать,—почти
ничего неизвѣстно объ академической жизни о. Феодора.
Бывшій въ академіи его „старшимъ“ (такъ назывался сту-
дентъ старшаго курса, въ вѣдѣніи котораго находились дру-
гіе студенты, жившіе въ одной съ нимъ комнатѣ или „но-
мерѣ“) — итакъ его „Старшій“ Семенъ Ив. Протопоповъ, въ
монашествѣ Серафимъ, скончавшійся въ 1891 г. епископомъ
Самарскимъ, говорилъ послѣ одному изъ своихъ близкихъ,
что А. М. Бухаревъ „отличался въ академіи кротостію и
благочестіемъ“. Можетъ быть, это было воспоминаніемъ о
той „аттестаци“, каковую давалъ Старшій, студентамъ своего

номера въ ежемѣсячныхъ „вѣдомостяхъ о характерѣ и поведеніи“, представлявшихся Старшими Инспектору академіи. А вотъ отзывъ объ Александрѣ Матвѣевичѣ—студентѣ академіи—человѣка совсѣмъ иного—духа и направленія,—Гилярова-Платонова, у котораго уже А. М. Бухаревъ былъ „Старшимъ“. Этотъ своего рода *bête-noir* духовной среды, его воспитавшей и выпустившей на поле публицистики, пишетъ: „Вотъ онъ,—Александръ Матвѣевичъ, нѣкогда 20-тилѣтній юноша, вѣжливо, почти съ заискивающимъ видомъ подходившій къ намъ вечерами поочередно съ предложеніемъ читать молитвы на сонъ грядущимъ. Онъ въ академіи былъ старшимъ въ нашемъ номерѣ. Душа набожная, пылкое сердце, живой умъ (Изъ Пережитого, т. II, стр. 289). Но благочестіе, проявлявшееся набожностью, кротость, соединенная съ крайнею деликатностью въ обращеніи, и живой умъ, и пылкое сердце могли ничѣмъ не выдавать той внутренней работы ума и сердца, какая совершилась въ молодомъ студентѣ,—по образу жизни и поведенія—одномъ изъ первыхъ кандидатовъ на постриженіе. Чтобы сколько нибудь освѣтить эту жизнь, „радости“ которой состояли въ томъ, „что вотъ наконецъ люди начинаютъ углубляться въ премудрость Божию и раскрывать ея свѣтъ для всякихъ дѣлъ“, въ которой важнѣйшія рѣшенія готовлялись постомъ и молитвою и принимались по жребію какъ бы непосредственно отъ руки Божіей,—посмотримъ на спутниковъ Александра Матвѣевича въ этой жизни, особенно же на тѣхъ, которые были близки къ нему по духу. Дороже всего были бы свѣдѣнія о томъ товарищѣ и другѣ Александра Матвѣевича, который былъ къ нему ближе всѣхъ,—о Михайлѣ Васильевичѣ Тихонравовѣ, скончавшемся въ 1850 г. на должности профессора Владимірской Духовной Семинаріи ¹⁾. Но и объ немъ слишкомъ мало извѣстно намъ и навсегда осталось тайной, какъ вліяли одинъ на другаго эти двѣ родственныя натуры, сходявшіяся и въ своемъ направленіи. Знаемъ мы о крайнею чувствительности Михаила Васильевича; напримѣръ,—что онъ, будучи уже профессоромъ семинаріи, не могъ иногда удержаться отъ слезъ при

¹⁾ Симпатичная статья о немъ во Влад. Еп. Вѣд. 1890 г. № 16 и замѣтка въ Исторіи Владим. Дух. Сем. Малицкаго (ч. II, 250—268), гдѣ о немъ вспоминается какъ о превосходномъ наставникѣ.

исполненіи церковныхъ пѣснопѣній,—особенно же лаврской пѣсни: „Преславная днесь“... Въ академіи онъ былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ; товарищи любили и уважали его; А. В. Горскій, подъ руководствомъ котораго онъ писалъ свое курсовое сочиненіе, не иначе обращался къ молодому студенту, какъ—„Михаилъ Васильевичъ“. Въ отношеніяхъ къ Александру Матвѣвичу Михаилъ Васильевичъ былъ какъ бы старшимъ братомъ, попечителемъ и руководителемъ въ дѣлахъ житейскихъ, который былъ такъ необходимъ Александру Матвѣвичу, и до смерти оставшемуся младенцемъ во всемъ, что касалось жизни практической. „Самая нѣжная мать не могла бы такъ заботиться обо мнѣ“, говорилъ послѣ о. Феодоръ, „какъ заботился Михаилъ Васильевичъ“. Михаилъ Васильевичъ былъ, какъ видно, практичнѣе Александра Матвѣвича и ему, конечно, не разъ приходилось предостерегать „пылкаго сердцемъ“ товарища и друга отъ рѣшеній, подсказываемыхъ ему его крайнимъ идеализмомъ. Видя болѣзненность Александра Матвѣвича, Михаилъ Васильевичъ былъ и противъ видимой для всѣхъ наклонности Александра Матвѣвича къ вступленію на путь усиленныхъ аскетическихъ подвиговъ принятіемъ монашества и очень скорбѣлъ, предвидя, что не удержать ему друга своего отъ этого рѣшенія своими убѣжденіями. Въ письмахъ къ своему зятю—священнику, Михаилъ Васильевичъ очень часто просилъ молиться предъ престоломъ Божиимъ за Александра Матвѣвича. О. Феодоръ говорилъ послѣ, что Михаилъ Васильевичъ имѣлъ вліяніе на всю его жизнь. Не ему ли,—не его дружескимъ бесѣдамъ и спорамъ въ тотъ періодъ жизни, когда у студента А. М. Бухарева слагалось его богословское міросозерцаніе, приписывалъ послѣ о. Феодоръ то, что онъ, съ принятіемъ монашества, не ушелъ въ область отвлеченнаго идеализма, а остался борцемъ за спасеніе Христомъ всего истинно-человѣческаго. Зная, какъ не сочувствуетъ Михаилъ Васильевичъ его намѣренію принять монашество, Александръ Матвѣвичъ вель это дѣло втайнѣ отъ своего друга. Однажды Михаилъ Васильевичъ показываетъ Александру Матвѣвичу свою подушку, еще мокрую отъ слезъ и говорить: „это я объ тебѣ плакалъ; мнѣ снилось, что ты живой лежишься въ могилу“. Вотъ что значатъ, безъ сомнѣнія, слова о. Феодора о М. В.

Тихонравовъ: „У насъ съ покойнымъ Михаиломъ было такое дѣло: я твердо отстаивалъ благодатное,—Христово; а онъ страдальчески или съ самоотверженіемъ любви отстаивалъ во Христѣ и обыкновенное,—земное; такимъ образомъ мы, сами того не зная отчетливо, учились уже проводить Христову благодать и истину и въ земное, никакъ не измѣняя чему-либо истинно Христову“ (Письма Анны Серг. Бухар. 11 апр. 1872).

А вотъ рассказъ о. Теодора и о другомъ его товарищѣ, который тоже, какъ видно изъ самаго этого рассказа, былъ особенно близокъ къ Александру Матвѣевичу, какъ его землякъ и товарищъ не по академіи только, а еще и по семинаріи. Это былъ Вас. Фед. Владиславлевъ, впоследствии Тверской кафедральный протоіерей, извѣстный въ нашей духовной литературѣ своими поученіями по изъясненію богослуженія и учебниками по Закону Божію для среднихъ учебныхъ заведеній. „То въ немъ особенно было хорошо“—говорилъ о немъ о. Теодоръ, „что, хотя онъ былъ искренно благочистивъ, но благочестіе его не имѣло въ себѣ ничего суроваго, ригористическаго. Будучи самъ вовсе не охотникъ до разныхъ веселостей и шумныхъ удовольствій, онъ—однакожь,—никогда не отказывался доставить удовольствіе другимъ, принявъ участіе въ ихъ веселости и безотговорочно являлся въ веселый кружокъ съ своей скрипкой; такъ что,—прибавилъ о. Теодоръ съ добродушнымъ смѣхомъ,—за эту его любящую снисходительную сговорчивость въ академіи утвердилось за нимъ прозвище „папаши“. Буду продолжать рассказъ подлинными словами моего письма къ домашнимъ, писаннаго въ маѣ 1857 года, въ которомъ рассказъ этотъ записанъ подъ живымъ впечатлѣніемъ,—только что выслушанный мной отъ о. Теодора. „Не было въ немъ нисколько этого ригоризма, говорилъ о. Теодоръ (котораго,—сказать мимоходомъ, такъ не любить о. Теодоръ, потому что онъ такъ часто соединяется съ іудейскимъ самооправданіемъ); но—дай Богъ,—продолжалъ онъ,—и взрослымъ-то, и совершеннымъ такъ успѣвать въ вѣрѣ, какъ успѣвалъ онъ. Какъ примѣръ того и одну изъ чертъ жизни Вас. Фед., о. Теодоръ сказалъ мнѣ, что однажды ему было явленіе Божіей Матери. При этомъ онъ изъ Новаго Завѣта вынулъ бумажку и далъ мнѣ прочитать собственноручное описаніе Вас. Фед.

того, какъ послѣдовало это явленіе. Были особенныя обстоятельства въ его жизни, воспитавшія его вѣру, но „поводомъ къ этому обстоятельству былъ, можно сказать, совершенно пустой случай, — неудача мѣсячнаго сочиненія“; такъ писалъ Вас. Фед., а о. Теодоръ дополнилъ и пояснилъ своимъ рассказомъ остальное. Однажды, еще на первомъ году, Вас. Фед., ходя по комнатѣ съ своимъ старшимъ, — С. И. Протоповымъ (что нынѣ о. Серафимъ)¹⁾; разговорился о мѣсячномъ своемъ сочиненіи; Семенъ Ив., выслушавъ его планъ и мысли, высказалъ ему дружески свое опасеніе, что дѣло его ненадежно и совѣтовалъ ему подумать по-лучше; нѣсколько возраженій Сем. Ив. окончательно сбили Вас. Фед. съ толка. Василий Фед. не любилъ заниматься шутя; такая неудача его добросовѣстнаго труда глубоко огорчила его и онъ прибѣгъ съ молитвой къ Божіей Матери, къ Которой онъ имѣлъ большую вѣру. Это было за всеобщей; а всеобщую въ то время въ Московской академіи пѣли, — какъ и доселѣ (1857 г.) поютъ, — въ залѣ; въ то время, когда дьяконъ возглашалъ: „и о сподобитися намъ слышанія св. евангелія“ и когда Вас. Фед. поклонился въ землю (онъ въ это время всегда дѣлалъ земной поклонъ), — въ это самое время ему явилась Царица Небесная, — въ коронѣ изъ драгоценныхъ камней, — и взглянула на него такъ милостиво, что онъ былъ внѣ себя отъ этого взгляда. Александръ Матвѣевичъ, который стоялъ подлѣ него, замѣтилъ, что съ Вас. Фед. что-то произошло необыкновенное и, при выходѣ изъ зала, спросилъ: что съ нимъ такое? Но Вас. Фед. отвѣтилъ только, что скажетъ послѣ. На другой день за обѣдней о. Теодоръ опять видѣлъ, что Вас. Фед. всю обѣдню былъ въ сильномъ душевномъ возмущеніи и внутренно всю обѣдню плакалъ, хотя такъ, что другіе, — не обращавшіе на него большаго вниманія и не могли этого замѣтить. Еще тогда же послѣ всеобщей, о. Теодоръ присталъ къ Вас. Фед. съ разспросами, — не получилъ ли онъ какого-нибудь горестнаго извѣстія; но тотъ отвѣчалъ ему, что — совершенно напротивъ — горестнаго ничего нѣтъ и сказалъ, что вчера только душа его поняла это чувство, въ

¹⁾ Тогда изъ Инспекторовъ Казанской Акад. ректоръ Симб. Семян. (См. выше, 508 стр).

которомъ Псалмопѣвецъ и звѣзды, и снѣгъ, и бурю, и землю и всѣ твари призывалъ къ хваленію Господа. Наконецъ, послѣ обѣдни, на другой день онъ разсказалъ ему свое видѣніе, а о. Феодоръ попросилъ записать ему это на бумагѣ; эту самую записку я и читалъ у о. Феодора. О. Феодоръ прибавилъ, что въ ту пору лице Вас. Федор. было какъ будто лице ангела, такъ что даже одно воспоминаніе объ его взглядѣ въ ту минуту долго оставляло удовольствіе въ сердцѣ; и долго послѣ того,—дня три,—въ его взглядѣ было что-то удивительно-прекрасное“.

Не забудемъ, что Бухаревъ, Тихонравовъ, Владиславлевъ были изъ числа выдающихся своими способностями студентовъ Московской академіи въ тѣ годы, когда имъ „случалось слушать или изучать ту или другую науку по началамъ новѣйшей философіи“¹⁾; а новѣйшею философіею въ то время было гегеліанство. До духовныхъ академій тогда еще не доходили пока скептическіе голоса представителей еще болѣе новой философіи, начавшихъ уже тогда рушить грандіозное зданіе Гегелевой системы; развѣ,—развѣ слышался по временамъ сдержанный ропотъ почтительныхъ учениковъ Гегеля, на своего учителя, зачѣмъ онъ, взошедши на вершину горы, такъ увлекся созерцаніемъ Божественнаго свѣта всеобъемлющей истины, что не хочетъ уже спуститься въ земную изменчивость, чтобы и ее освѣтить свѣтомъ своей системы. (Слова о. Феодора о гегеліанствѣ въ Германіи). Итакъ въ Московской академіи, не смотря на то, что зоркій глазъ митрополита Филарета, проникавшій всюду, особенно слѣдилъ за своей академіею,—цѣлыя науки преподавались по началамъ Гегелевой философіи. Эти-то начала и построенныя на нихъ системы и приходилось о. Феодору въ свои студенческіе годы переводить на „иное основаніе“ и извращавшій христіанство пантеизмъ Гегеля обратно приводить ко Христу. Очевидно,—это было продолженіемъ той же умственной работы, которая возбуждена была чтеніемъ гегеліанца Бѣлинскаго. Послѣ, давая мнѣ наставленіе, какъ слушать науки академическаго курса, о. Феодоръ мнѣ говорилъ: „Когда я слушалъ науки, я все,—какъ-то по инстинкту,—прилагалъ ко Христу: ну, и — пока

¹⁾ См. выше стр. 507—508.

еще слушаешь,—такъ это все неясно,—темно: а какъ ужъ всю то науку узнаешь, такъ тутъ и увидишь,—что нужно принять,—что откинуть,—такъ она и перейдетъ вся на это иное-то основаніе,—на Христа“. (Мои студенческія письма домой).

Конечно, я не думаю утверждать, будто въ духовныхъ академіяхъ того времени практическіе богословы, переводившіе идеи Гегеля на начала Евангелія, студенты молитвенники, возвышавшіеся вѣрою до видѣній, были знаменіями своего времени, а не составляли рѣдкое исключеніе въ общей массѣ студенчества; но самая возможность такихъ исключительныхъ явленій уже что нибудь да значить; надѣюсь, многіе согласятся съ тѣмъ, что именно высшія стороны жизни и напряженнѣйшіе ея моменты даютъ надлежащее понятіе о строѣ и направленіи того или другаго времени, той или другой среды, — а не то, какъ люди пьютъ и ѣдятъ, добываютъ себѣ хлѣбъ насущный и играютъ въ карты. Мнѣ кажется, что между направленіемъ всего интеллигентнаго русскаго общества, образовавшимся подъ вліяніемъ Грановскаго, Станкевича, Бѣлинскаго, Н. Надеждина, Полеваго.— и направленіемъ студенчества въ духовныхъ академіяхъ 40-хъ годовъ,—и Московской академіи по преимуществу, — есть органическая связь. Общій и свѣтской и духовной интеллигенціи того времени колоритъ энтузіазма, энергіи, идеалистическаго отношенія къ жизни, мнѣ кажется, едва ли можетъ быть объясненъ вліяніемъ одной литературы того времени.— вліяніемъ сочиненій Бѣлинскаго и другихъ популяризаторовъ Гегеля; причину, мнѣ кажется, нужно искать въ непосредственномъ вліяніи на молодые умы идей трансцендентальной философіи. Въ Московской Духовной Академіи эти идеи, какъ оказывается, давали плодъ весьма непохожій на дѣйствіе тѣхъ же идей въ средѣ почитателей Грановскаго или Станкевича. Значительно болѣе трезвое, гораздо болѣе самостоятельное отношеніе Московскихъ студентовъ академіи къ гегелианству неудивительно, если припомнимъ продолжительное вліяніе на аудиторію Московской Академіи такого философа, какъ Θεодоръ Александровичъ Голубинскій, пользовавшійся безпредѣльнымъ уваженіемъ студентовъ—своихъ слушателей. Въ сочиненіяхъ о. Θεодора мы имѣемъ образчикъ глубоко-философскаго и въ тоже время строго-право-

славнаго,—слѣдовательно—совершенно самостоятельнаго отношенія къ положеніямъ гегеліанства; это въ книгѣ „О православіи“, въ статьѣ о дванадесятихъ праздникахъ, стр. 42—45. Съ полной увѣренностью можно утверждать, что тирада эта относится не къ другому кому, какъ къ Ѳ. А. Голубинскому. Что его философскія лекціи не были шаблонной передачей схоластическихъ трактатовъ на казенной программѣ философіи,—ручательствомъ служить хотя бы то, что онъ даже при своихъ классныхъ занятіяхъ по изученію нѣмецкаго языка съ студентами бралъ не христоматию какую-нибудь, а читалъ съ ними и комментировалъ имъ Гетевского Фауста.

Статья Голоса объ архимандритѣ Феодорѣ написана однимъ изъ студентовъ—слушателей его въ Московской академіи,—впослѣдствіи протоіереемъ Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ,—Александромъ Алексѣевичемъ Лебедевымъ; потому, слова статьи объ о. Феодорѣ какъ профессорѣ имѣютъ значеніе показанія свидѣтеля-очевидца, — достоинство личныхъ воспоминаній о профессорствѣ о. Феодора въ Московской академіи; вотъ эти воспоминанія. „Какъ профессоръ, онъ съ особенной энергіей занимался своимъ предметомъ; чтеніе его отличалось такимъ горячимъ сочувствіемъ къ излагаемымъ мыслямъ, что на лицѣ его появлялся румянецъ, глаза оживлялись необыкновеннымъ блескомъ, а голосъ ввучалъ внутреннею силою воодушевленія; почему онъ пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ слушателей студентовъ. Методъ его лекцій былъ довольно оригинальный: при изложеніи содержанія какой-нибудь священнои книги, — онъ преподавалъ Свящ. Писаніе,—о. Феодоръ старался выразить сущность возрѣнія и личныя особенности каждаго священнаго писателя, какъ это можно видѣть изъ напечатанныхъ его лекцій. Въ книгѣ, на примѣръ, — „Нѣсколько статей объ ап. Павлѣ“ онъ изобразилъ, какъ ап. Павелъ содѣйствовалъ отрѣшенію христіанства отъ обрядности ветхозавѣтной и какъ научалъ устроить современную ему жизнь по духу ученія Христова. За все время пребыванія его въ Московской духовной академіи, о. Феодоромъ довольно помѣщено было статей по изясненію Свящ. Писанія въ журналѣ, подъ названіемъ: „Прибавленія къ твореніямъ св. отцевъ, издававшимся при Московской Духовной Академіи“. Доселѣ слова А. А. Лебедева. Дополню сказанное личными моими

воспоминаніями объ о. Ѳеодорѣ какъ о профессорѣ Казанской уже академіи. Въ Московской академіи о. Ѳеодоръ профессорствовалъ около 8 лѣтъ; не въ теченіе одного или двухъ курсовъ, безъ сомнѣнія, явились такія обширныя монографіи о различныхъ книгахъ Свящ. Писанія и Ветхаго, и Новаго Завѣта, какъ изъясненіе, — стихъ за стихомъ, — Посланія Ап. Павла къ Римлянамъ, первыхъ главъ кн. Бытія—„О міротвореніи“,—пророческихъ псалмовъ и Апокалипсиса, а также общія обзорѣнія книгъ Свящ. Писанія, служащія введеніями къ подробному объясненію текста ихъ. Все это, безъ сомнѣнія, были лекціи, читанныя о. Ѳеодоромъ студентамъ Московской академіи въ періодъ времени за 1846—1854 г. слѣдовательно,—четырехъ младшихъ и четырехъ старшихъ курсовъ. Такія исагогическія лекціи о. Ѳеодора напечатаны: Введеніе къ чтенію Пятокнижія Моисеева, въ книгѣ „О православіи въ отношеніи къ современности“—статьи: „Объ особенностяхъ возрѣнія и жизни ветхозавѣтнаго человѣка“ и „О законодательствѣ Моисеевомъ“. Введенія къ чтенію книгъ Пророковъ Исии, Іереміи, Іезекіиля и Даниила,—напечатаны особыми монографіями. Едва ли были лекціями,—по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ напечатаны, — двѣ монографіи: „Печаль и радость по слову Божію“—тоже исагогическаго содержанія изслѣдованія о книгѣ Плачь пр. Іереміи и о книгѣ Пѣснь Пѣсней,—равно какъ написанное по поводу изслѣдованія Шаврова о Третьей книгѣ Эздры, — самостоятельное „Изслѣдованіе о Третьей книгѣ Эздры и Апокалипсисѣ“. Несмотря на соединеніе въ этихъ монографіяхъ трактатовъ о совершенно различныхъ книгахъ Писанія, въ содержаніе этихъ монографій могли войти и исагогическія лекціи, читанныя о. Ѳеодоромъ въ Московской академіи. Введеніе къ изъясненію всѣхъ книгъ Писанія Новаго Завѣта напечатано подъ заглавіемъ: „О Новомъ Завѣтѣ Господа нашего Іисуса Христа“. Введеніе въ изслѣдованіе отдѣльныхъ евангелій еще не напечатано; а монографія, составляющая извлеченіе изъ этого труда, подъ заглавіемъ: „О евангеліяхъ и евангельской исторіи“, къ величайшему сожалѣнію, осталась трудомъ и незаконченнымъ; говорю: къ величайшему сожалѣнію, — потому что въ томъ направленіи, въ какомъ начата эта работа, по кончинѣ о. Ѳеодора, продолжить никто другою не можетъ. Введеніе

къ изслѣдованію Соборныхъ посланій напечатано особою монографіей, а введеніе въ изъясненіе посланій св. ап. Павла напечатано подъ скромнымъ названіемъ: „Нѣсколько статей о св. ап. Павлѣ“ и, какъ синтетическое изложеніе содержанія всѣхъ посланій ап. Павла, есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ наслѣдій, оставленныхъ намъ о. Феодоромъ. Если прибавить еще изслѣдованіе „О книгѣ Іова“ и трактаты: „Объ искушеніи Господа нашего Іисуса Христа“ и „Ученіе ап. Павла объ антихристѣ во 2 посланіи къ Солунянамъ“, то это и будетъ, кажется, все изъ напечатаннаго, на что можно смотрѣть какъ на академическія лекціи о. Феодора¹⁾. А если къ этому прибавить черновыя записи и тетради переписанныя съ собственноручными поправками о. Феодора,—списокъ его трудовъ по изъясненію Свящ. Писанія за время профессорства его въ Московскои академіи еще значительно пополнится. Чтенія о Пятокнижии представляетъ очеркъ Свящ. Исторіи Ветхаго Завѣта съ раздѣленіемъ на отдѣлы: а) Церковь первобытная, б) Церковь патріархальная, в) Церковь отъ Авраама до Моисея. Отрывки изъ чтеній о книгѣ Іисуса Навина. О книгахъ пророковъ Исаи, Осіи, Іоіля. Трактаты о неканоническихъ книгахъ Свящ. Писанія. Изъ книгъ новозавѣтныхъ, кромѣ изслѣдованія объ Апокалипсисѣ, которому доселѣ не судилъ еще Господь сдѣлаться достояніемъ нашей печатной богословской литературы, въ рукописи же хранится переписанное уже изслѣдованіе о посланіи къ Филиппійцамъ. Такая масса написаннаго о. Феодоромъ въ Московскои академіи по предмету его каѳедры давала ему возможность,—особенно подъ конецъ его профессорства въ Москвѣ,—предлагать студентамъ готовыя лекціи въ теченіе всего двухлѣтняго курса. По перемѣщеніи въ Казанскую Академію о. Феодоръ оторванъ былъ отъ своего предмета и ему разновременно и послѣдовательно поручаемо было чтеніе различныхъ богословскихъ системъ: онъ долженъ былъ читать и Основное Богословіе (такъ называется философско-историческое введеніе въ науки собственно богословскія) Богословіе Догматическое, Нравственное, Полемиическое, т.-е. опроверженіе, какъ тогда говорилось, или критическое обо-

¹⁾ На черновой рукописи „О Новомъ Завѣтѣ Господа нашего І. Христа“ есть замѣтка рукою о. Феодора: „послѣдняя лекція 8 Дек. 1850 г.“

зрѣніе, какъ сказали бы нынѣ, неправославныхъ и даже нехристіанскихъ ученій вѣры; ему поручалось руководство къ веденію борьбы даже съ расколомъ старообрядства. Казанская Академія, незадолго до перемѣщенія въ нее о. Ѳеодора, обращена была въ какой-то своего рода миссіонерскій институтъ. Наконецъ, на о. Ѳеодора возложено было чтеніе и Пастырскаго Богословія. И эта громада самаго разнообразнаго богословскаго труда пала на болѣзненнаго, „сосредоточеннаго въ себѣ“, какъ говоритъ А. А. Лебедевъ въ статьѣ Голоса, архимандрита Ѳеодора. Дать сразу готовыя лекціи по всѣмъ этимъ богословскимъ системамъ—было немислимо. И въ Казани о. Ѳеодоръ, можно сказать, вовсе не читалъ лекціи ¹⁾; онъ ихъ всегда импровизировалъ. Но къ этому времени ученіе Христово сложилось уже у о. Ѳеодора въ такую полную и стройную систему, что, о чемъ бы ему ни приходилось говорить, онъ никогда не затруднялся тѣмъ, что сказать о данномъ предметѣ, а развѣ только тѣмъ, какъ выразить свою мысль яснѣе и рельефнѣе. Онъ не имѣлъ замѣчательнаго импровизаторскаго таланта Іоанна еп. Смоленскаго (извѣстнаго болѣе подъ именемъ „Архимандрита Іоанна“,—при о. Ѳеодорѣ бывшаго ректоромъ Казанской Академіи); архим. Іоаннъ говорилъ такъ, что записанное за нимъ можно было бы прямо сдавать въ наборъ ²⁾. О. Ѳеодоръ не имѣлъ ни счастливаго органа рѣчи, ни блестящей дикціи; онъ не читалъ, а именно говорилъ свои лекціи, нисколько и не стараясь поддѣлывать свою живую рѣчь подъ книжный языкъ. Но его рѣчь,—прерывистая,—иногда съ продолжительными паузами, во время которыхъ видно было, какъ онъ мучился, стараясь найти выраженіе равное стоявшей предъ его мысленнымъ взоромъ истинѣ; голосъ у него былъ надорванный, скрипучій,

¹⁾ Осталось только начало лекцій по Основному Богословію, (не напечатанное), да записанное самимъ о. Ѳеодоромъ уже во время его службы въ С.-Петербургскомъ цензурномъ Комитетѣ и напечатанное въ книгѣ О Православіи, содержаніе его бесѣдъ съ студентами по Пастырской противораскольнической педагогикѣ; (напечатано тамъ же).

²⁾ Архимандритъ Іоаннъ говорилъ свои лекціи по Догматическому Богословію въ Казанской Академіи, не отводя глазъ отъ книги, которую держалъ передъ собой и—кто не зналъ, что это была за книга, тотъ подумалъ бы, что онъ по ней читаетъ тогда какъ это была Догматика Митр. Макарія.

срывавшійся; и все же его рѣчь была рѣчью человѣка вдохновеннаго. Затрудненное дыханіе, перерывы голоса, необычайный блескъ взора, невозможность для него оставаться въ это время самому въ покоѣ (онъ никогда не садился въ аудиторіи) все это дѣлало совершенно одинаковыми и его официальные лекціи, и его домашнія бесѣды съ студентами, когда онъ неровно ходилъ съ своимъ слушателемъ у себя по залу, то ускоряя шагъ, то останавливаясь: иногда онъ при этомъ нервно мять руку студента, держа ее въ своей рукѣ или теребилъ пуговицу, лацканъ сюртука своего слушателя. И по предмету эти домашнія бесѣды профессора богословія съ своими слушателями очень мало отличались отъ лекцій въ аудиторіи: о чемъ бы ни говорилъ о. Теодоръ, онъ ни на что не смотрѣлъ иначе, какъ на истину Христову, ни о чемъ иначе и не говорилъ, какъ о Христовой истинѣ. Говорилъ ли онъ о современныхъ событіяхъ жизни общественной, объ историческихъ дѣятеляхъ науки и жизни, о новомъ литературномъ произведеніи, о только что рассказанномъ ему происшествіи въ городѣ, — событіи въ жизни его казанскихъ знакомыхъ, онъ говорилъ точно также, какъ говорилъ и въ аудиторіи *по поводу* ¹⁾ того или другого трактата въ учебникѣ догматическаго, или нравственнаго, или пастырскаго богословія. И при этомъ видно было то же самое созерцательно-вдохновенное состояніе, то же напряженное вниманіе профессора—выслѣдить по глазамъ, по выраженію лица слушателя или слушателей, понятны ли имъ слова его. Онъ не былъ,—какъ это часто бываетъ,—профессоромъ только въ аудиторіи, а по выходѣ изъ нея—совсѣмъ другимъ человѣкомъ; онъ былъ учителемъ—проповѣдникомъ истины Христовой всегда, вездѣ и во всемъ.

Но выдавались въ жизни о. Теодора тяжкіе дни и часы нравственнаго изнеможенія и упадка силъ; когда нападало на него такое состояніе духа, онъ уже не могъ говорить ничего. По большей части это случалось, когда его сердце болѣзненно поражалось какимъ нибудь ударомъ, нанесеннымъ дорогому для него дѣлу Христовой истины и правды.

¹⁾ Этимъ выраженіемъ лучше всего, кажется, можно охарактеризовать отношеніе о. Теодора къ официальной сторонѣ академической богословской науки.

Обыкновенно онъ перетерпчивалъ это чувство мучительной нравственной боли лежа въ постели, какъ совсѣмъ больной; тогда не только говорить,—ничѣмъ не могъ онъ и заняться. Иногда въ такое время онъ выѣзжалъ въ какойнибудь изъ знакомыхъ домовъ, гдѣ любили его слушать; послѣ первыхъ привѣтствій, молча садился и, не сказавъ во весь вечеръ ни слова, такъ и уѣзжалъ. Но случалось, что изъ сказаннаго при немъ другими чтонибудь возбуждало его настолько, что онъ забывалъ свою боль,—и языкъ его разрѣшался; этимъ разрѣшаясь и припадокъ болѣзненнаго унынія. Приходилось ему иногда въ такіе времена духовнаго изнеможенія являться и въ аудиторію; тогда онъ приходилъ не надолго, минутъ на 40 или на полчаса; рѣчь его еще болѣе, чѣмъ обыкновенно, была затруднена тѣмъ усиленіемъ, какое онъ долженъ былъ употреблять, чтобы отвлечь свою мысль отъ ощущенія гнетущей душу моральной тягости; и—такъ продолжалось до конца лекціи, если только не случалось и здѣсь, что предметъ лекціи и его болѣзненное настроеніе находили точку соприкосновенія, а въ такомъ счастливомъ случаѣ совершался какъ бы кризисъ болѣзненнаго душевнаго состоянія профессора: рѣчь прерывалась стремительнымъ потокомъ, и преемнику о. Теодора по аудиторіи довольно долго приходилось ходить по корридору, поджидая конца его лекціи. Но, да не подумаетъ ктонибудь, что лекціи о. Теодора переходили въ интимныя изліянія относительно обстоятельствъ личной его жизни; мы никогда не знали, чѣмъ болѣла душа его; личное его—переходило сперва въ общее и уже въ такомъ видѣ, какъ предметъ богословской лекціи, дѣлалось нашимъ достояніемъ.

Итакъ, во всякомъ случаѣ, о. Теодоръ не могъ почитаться однимъ изъ—такъ называемыхъ блестящихъ профессоровъ. И въ Казани, и въ Московской,—какъ я слышалъ,—Академіи были студенты, которые не хотѣли его слушать, считая его чуть не мономаномъ или какимъ-то юродивымъ; но большинствомъ студентовъ лекціи его слушались съ тѣмъ напряженнымъ вниманіемъ, какое требовалось, чтобы не потерять нить его мыслей. Въ Московской Академіи были недовольные часто проводимыми о. Теодоромъ въ своихъ лекціяхъ параллелями между извѣстными мѣстами у ветхозавѣтныхъ пророковъ и соотвѣтственными мѣстами пророче-

скои новозавѣтной книги, — апокалипсиса. Быть можетъ, основаніемъ или поводомъ къ такому недовольству было то, что нѣкоторое время для самого о. Феодора изученіе Апокалипсиса было дѣломъ еще не совершенно законченнымъ; быть можетъ, инымъ курсамъ московскихъ студентовъ приводилось быть невольными участниками черновой еще—такъ сказать—работы ихъ профессора. Но,—такъ это или не такъ,—во всякомъ случаѣ, говоря о профессорствѣ о. Феодора, нельзя не сказать нѣсколько словъ объ относящихся къ профессорству его въ Московской Академіи трудахъ его по изученію Апокалипсиса. Дѣло это составляетъ ключъ, — можно сказать,—къ пониманію всей послѣдующей жизни о. Феодора и его богословскаго направленія, которое часто думаютъ опредѣлить однимъ словомъ „мистикъ“, „мистицизмъ“, „мистическій“. Объ этомъ легкомысленномъ опредѣленіи и о томъ, какъ относился къ нему самъ о. Феодоръ, который не могъ не знать объ обвиненіи его въ мистицизмѣ,—я скажу послѣ; теперь же приведу слова самого о. Феодора о томъ, какое для него имѣло значеніе изученіе Апокалипсиса. Однажды онъ говорилъ мнѣ: „Прежде, чѣмъ я принялся за Апокалипсисъ, мнѣ приходилось только что развѣ удерживаться отъ прираженій духа хулы при чтеніи его“... И тяжелый вздохъ при воспоминаніи объ этомъ тяжеломъ для его вѣры времени давалъ понять, какова была эта тяжесть въ свое время!... Но когда онъ, по его словамъ, принялся,—съ вѣрою въ истину Христову,—за изученіе Апокалипсиса, тогда въ немъ самомъ онъ нашелъ и разрѣшеніе тайнъ, и опору своему духовному пониманію всего, и поразительныя свѣтлыя свидѣтельства вѣры. Съ того-то времени онъ началъ смотрѣть на Апокалипсисъ, наполненный,—какъ извѣстно,—пророческими образами ветхаго завѣта, — какъ на ключъ къ уразумѣнію и всего ветхозавѣтнаго писанія, которое,—при свѣтѣ Апокалипсиса,—оказывается не историческимъ лишь памятникомъ, имѣвшимъ назначеніемъ своимъ—служить лишь своему времени, а божественнымъ руководствомъ для насъ,—руководствомъ на всѣ времена, такъ что каждая іота или черта Писанія рано или поздно раскроется для Церкви въ своемъ значеніи (Мѣ. V, 18) ¹⁾. Неизвѣстно,

¹⁾ Такъ о. Феодоръ выразилъ однажды увѣренность, что когда нибудь

къ какому именно времени и случаю профессорства о. Θεодора въ Московской Академіи относится отзывъ приснопамятнаго Митрополита Филарета о выслушанныхъ имъ опытахъ истолкованіе Апокалипсиса о. Θεодоромъ, отзывъ, который передаетъ самъ о. Θεодоръ въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ: „видишь мерцаніе-то свѣта“, сказалъ ему Митрополитъ. Не говоря о высокомъ авторитетѣ величайшаго изъ богослововъ Церкви Русской и о всегдашней крайней строгости сужденій его,—этотъ судъ Митрополита Филарета для о. Θεодора былъ особенно дорогъ вслѣдствіе того настроенія его вѣры, что въ благоволительномъ отношеніи къ его дѣлу архипастыря о. Θεодоръ видѣлъ благоволительное призрѣніе на это дѣло Самого Отца Небеснаго. Съ такимъ именно настроеніемъ трепетнаго опасенія за дорогое ему дѣло подвергалъ о. Θεодоръ „испытанію“ (examen) свой опытъ изъясненія Апокалипсиса на одномъ изъ студенческихъ „экзаменовъ“ въ Московской Академіи, на которыхъ нерѣдко подвергалось суровому и рѣзкому приговору все, что не имѣло подъ собой опоры въ авторитетѣ исторической давности. Вопреки своимъ опасеніямъ, о. Θεодоръ встрѣтилъ труду своему одобреніе и одобреніе строгаго судьи.

Въ своемъ некрологѣ о. Θεодора (Голось 1871 г. № 121) А. А. Лебедевъ говоритъ, что у о. Θεодора выходили иногда неудовольствія съ академическимъ начальствомъ изъ за лекцій, но не сообщаетъ, что именно служило поводомъ къ такимъ неудовольствіямъ. Но онъ сообщаетъ о неудовольствіи Митрополита Филарета о. Θεодоромъ за его „Письма къ Гоголю“. „Въ концѣ сороковыхъ годовъ“, говорится въ некрологѣ, „много шума надѣлала изданная Гоголемъ Переписка съ друзьями“. Всѣмъ извѣстно, какое тяжелое впечатлѣніе произвела эта книга на кружокъ свѣтскихъ писателей. Слѣдя за литературной дѣятельностью Гоголя и вполне сочувствуя

разберется и то, что значить, что въ евангеліи записано число рыбъ, пойманныхъ апостолами, по благословенію Господа воскресшаго, на морѣ Тиверіадскомъ. Это онъ говорилъ въ отвѣтъ на вопросъ одной дамы, что значить, что пойманы были тогда 153 рыбы. Онъ отвѣчалъ, что,—ковчево,—и это что нибудь да значить и когда нибудь объяснится; но что въ настоящее время, когда мы многого еще не знаемъ такого, что для насъ гораздо важнѣе, вопросъ этотъ былъ бы вопросомъ пустаго любопытства.

его нравственно-тяжелому положенію, о. Феодоръ рѣшился помочь ему. Въ его глазахъ Гоголь, оставленный свѣтскими писателями и друзьями, и—не признанный и заправителями духовной жизни и науки, сталъ одинокимъ среди двухъ противоположныхъ лагерей; о. Феодоръ хотѣлъ протянуть ему руку помощи. Съ этой цѣлью онъ и написалъ сочиненіе, въ послѣдствіи напечатанное подъ именемъ „Трехъ писемъ къ Гоголю“. Первое изъ этихъ писемъ онъ представилъ покойному Митрополиту Московскому, безъ разрѣшенія котораго нельзя было напечатать ни одного болѣе или менѣе серьезнаго сочиненія никому изъ подвѣдомаго ему духовенства. Митрополитъ взялъ у него статью, но выразилъ неудовольствіе на такой предметъ занятій профессора по Свящ. Писанію. Послѣ этого обстоятельства о. Феодоръ захворалъ и остался въ больницѣ при Московской Духовной Семинаріи; отсюда онъ списался съ Гоголемъ и съ этого времени съ нимъ познакомился.

Теперь уже выяснилось въ литературѣ, что не авторъ „Трехъ писемъ къ Гоголю“, а о. Матѣей Ржевскій былъ та „духовная особа“, которой суждено было роковымъ образомъ повліять на творчество Гоголя и даже, быть можетъ, на сокращеніе самой жизни его. Конечно, и прежде такое вліяніе на Гоголя приписывать о. Феодору могли только незнающіе его лично и не читавшіе его Писемъ къ Гоголю. Напротивъ, о. Феодоръ всегда съ величайшимъ сожаленіемъ говорилъ о преждевременной смерти Гоголя, подавленнаго, какъ онъ выражался, „тяжкимъ и неудобноносимымъ для непривычныхъ плечъ свѣтскаго человѣка, бременемъ, какое нѣкоторые ревнители Православія дѣлаютъ изъ благаго и легкаго ига Христова ученія“ (Мѣ. XI, 30. XXIII, 4). Свое отношеніе къ творческой дѣятельности Гоголя и къ вліянію на нее о. Матѣя о. Феодоръ высказываетъ самъ въ предисловіи къ своимъ „Письмамъ къ Гоголю“, предисловіи, написанномъ тогда уже, когда письма эти печатались, — въ 1860 году. Онъ говоритъ: въ однихъ много духовно-живаго и истиннаго,—слѣдовательно—Христова, только болѣе или менѣе безсознательно, какъ было въ Гоголѣ, во время его могущественнаго свободнаго творчества; а въ другихъ духовное сознаніе истины въ одномъ Христѣ связывается какою-то рабскою страшливостью и безпощадностью относи-

тельно всего, не носящаго открыто печати, какъ и это отчасти испыталъ покойный въ послѣднее время жизни“. (Три письма къ Гоголю. Къ читателю, стр. 57). Первые два письма о. Θεодора къ Гоголю заключаютъ въ себѣ критическій обзоръ произведеній Гоголя, имѣющій цѣлью показать, что исповѣдь Гоголя въ его „Перепискѣ съ друзьями“ совсѣмъ не есть отрицаніе его прежняго творчества, а откровенное разъясненіе истиннаго смысла его произведеній. Особенно же дорого третье письмо, заключающее въ себѣ выясненіе для Гоголя того православнаго міросозерцанія, которое Гоголь скорѣе предчувствовалъ, чѣмъ имѣлъ въ сознательномъ обладаніи. Оно заключаетъ въ себѣ очеркъ священно-библейской и церковной исторіи и даже исторіи всего міра (стр. 178—260; 225—236) или идеи для построенія историческаго матеріала въ цѣльное міросозерцаніе. Тѣже идеи раскрываются о. Θεодоромъ въ четырехъ статьяхъ его книги: О Православіи, носящихъ названіе: „О современности въ отношеніи къ Православію“.

Не одни только письма къ Гоголю изъ сочиненій о. Θεодора не встрѣтили благосклоннаго приѣма у Митрополита Филарета: у насъ въ Казанской Академіи ходила молва, что не получило отъ Митрополита цензурнаго разрѣшенія къ напечатанію и обзорѣніе посланій Св. Апостола Павла, напечатанное впослѣдствіи, когда о. Θεодоръ самъ былъ уже членомъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры. подъ заглавіемъ „Нѣсколько статей о Св. Апостолѣ Павлѣ“. А это изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ основы, можно сказать, всего богословствованія о. Θεодора. Не напрасно же и въ настоящее время невѣріе, хватающееся за Христа, хвалящееся Евангеліемъ,—не можетъ примириться съ ученіемъ Ап. Павла и христіанство истинно вѣрующихъ обзываетъ Павліанствомъ. Его ученіе служить пробнымъ камнемъ для различенія христіанства, какъ вѣры въ откровеніе таинъ Божественныхъ (а это—будтобы „мистицизмъ“) и христіанства, заимствовавшаго изъ Евангелія одни термины и образы для выраженія пантеистическихъ или иныхъ философскихъ идей. Недозволеніе Митрополита Филарета напечатать изслѣдованіе о. Θεодора о посланіяхъ Св. Апостола Павла отнюдь не значитъ, что Митрополитъ считалъ это изслѣдованіе неправославнымъ или вообще, на основаніи этого из-

слѣдованія, считалъ сомнительною чистоту и цѣлость вѣры молодого ученаго богослова; иначе онъ не допустилъ бы перемѣщенія его въ другую академію на такіе отвѣтственные предметы, какъ богословіе основное, догматическое и нравственное, и не ставилъ бы въ заслугу Московской Академіи передъ Казанской то, что старшая сестра уступила младшей такого профессора. Тѣмъ не менѣе, и личный характеръ, и образъ воззрѣній Митрополита Филарета дѣлаютъ очень вѣроятнымъ слухъ о недозволеніи имъ напечатать въ Московскомъ академическомъ журналѣ изслѣдованіе о. Феодора о Св. Апостолѣ Павлѣ. Всѣмъ извѣстно, какимъ строгимъ ревнителемъ и охранителемъ православія былъ святитель Московскій; обладая самъ глубиною богословскаго вѣдѣнія, въ другихъ онъ не столько дорожилъ самымъ этимъ сокровищемъ, сколько ревновалъ о догматической точности и опредѣленности слововыраженія, отсюда эта, помянутая выше (примѣч. на стр. 506) необщительность, скрытность, своего рода—выраженія въ его сочиненіяхъ,—не исключая даже и Катихизиса, но не отъ него исходило то, господствовавшее у насъ въ 50-хъ годахъ, охранительное направленіе, когда лица и учрежденія, стоявшія у дѣла духовнаго просвѣщенія, сознательно держали двѣ истины: одну для себя, а другую для обращенія въ народъ¹⁾. Забота объ охраненіи православія, о вѣрности ученію святоотеческому простиралась до боязливаго требованія,—держаться самой буквы ихъ ученія, до рѣшительнаго запрещенія выступить за предѣлы этой буквы. Митрополитъ Филаретъ не былъ зараженъ духомъ такого старообрядческаго рабства священной буквѣ, готоваго открыто отвергать всякое углубленіе разума въ смыслъ священнаго Писанія, всякое изъясненіе Писанія, не заимствованное буквально у св. отцевъ²⁾.

1) Напримѣръ С.-Петербургская Духовная Академія въ 1855 г., печатавшая въ прибавленіяхъ къ своему журналу „Писанія Св. Отцевъ, относящіяся къ истолкованію богослуженія“ и начиная этотъ рядъ святоотеческихъ твореній изданіемъ „Церковной Іерархіи“, въ предисловіи доказывала принадлежность этого творенія Діонісію Ареопагиту,—мужу апостольскому.

2) О началѣ изъясненія св. Писанія, принимаемомъ Церковію Православною, Митрополитъ Филаретъ такъ выражался, обращаясь къ человѣку, подпавшему вліянію римско-католическаго буквализма и догма-

Но мыслимо ли было, чтобы онъ кому либо изъ учениковъ своихъ позволилъ выступить за предѣлы того, чѣмъ самъ онъ ограничивался въ выраженіи православнаго ученія? Покойный Хомяковъ былъ крайне удивленъ дозволеніемъ Митроп. Филарета напечатать въ Православномъ Обзорѣни переводъ съ французскаго его сочиненія: „Катихизическое ученіе о Церкви“; но то былъ журналъ, издаваемый не отъ духовной академіи, да и статья напечатана была, кажется, безъ имени автора. Монографію же боккалавра духовной академіи объ Ап. Павлѣ предполагалось, конечно, напечатать въ академическомъ журналѣ; да и самый предметъ монографіи требовалъ, въ то время, крайней осторожности при напечатаніи въ академическомъ печатномъ органѣ сочиненія объ ученіи Ап. Павла, и въ частности ученія объ оправданіи. Протестантство, какъ извѣстно, буквально повторяетъ слова Ап. Павла, что вѣрующій во Христа оправдывается *втрою безъ дѣлъ закона* (Рим. III, 28), протестуя противъ направленія римскаго католичества, которое всю надежду спасенія возлагаетъ на *дѣла благочестія*. Церковь Греко-Восточная, ограждая чадъ своихъ отъ увлеченій протестантизма, впадающаго въ мечтательное христіанство бездѣйственнаго піэтизма, образчиками котораго могутъ служить христіанство лорда Рэдстока, Пашкова и нашъ южно-русскій баптизмъ,—усвоила себѣ вѣроопредѣленіе о спасеніи *втрою и дѣлами*. И совершенно понятна крайняя осторожность Ми-

тизма: „Церковь Восточная предоставляет истолкованіе закона“ (дѣло идетъ не о законѣ нравственномъ, а вообще о Божіемъ Законѣ или объ Откровеніи Божественномъ въ священномъ Писаніи) — „предоставляетъ истолкованіе Закона собственному твоему разсужденію и совѣсти, при помощи токмо Церковныхъ Учителей и подъ руководствомъ слова Божія. Она не имѣетъ самовластнаго истолкователя своего ученія, который бы давалъ своимъ истолкованіямъ важность догматовъ вѣры“. (Разгов. между испыт. и увѣр. изд. 1833 г. стр. 4-я). Примѣромъ же того, до чего сильно было въ высшихъ духовныхъ сферахъ направленіе запретительное для всякаго истолкованія Писанія „по собственному разсужденію и совѣсти“, можетъ служить тотъ фактъ, что сочиненія Иннокентія (Борисова), впослѣдствіи Архіепископа Херсонскаго: „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“ и „Жизнь св. Ап. Павла“, напечатанныя въ Христіанскомъ Чтеніи, вызвали распоряженіе,—не выдавать учащемуся духовному юношеству изъ фундаментальныхъ бібліотекъ духовно-учебныхъ заведеній Христіанское Чтеніе за тѣ годы, въ которыхъ помѣщены были статьи эти.

трополита въ напечатаніи отъ лица его академіи раскрытія богооткровеннаго ученія, что условіе нашего спасенія чрезъ Христа, дѣйствительно, есть *вера* собственно, а не *дѣла*, хотя эта спасающая насъ вѣра не можетъ быть безъ дѣлъ, составляющихъ необходимое ея проявленіе и свидѣтельство ея жизненности (Іак. II, 20).

Говоря объ отношеніяхъ покойнаго Московскаго Митрополита Филарета къ о. Теодору, не будетъ неумѣстно припомнить здѣсь случай, рассказанный М. П. Погодинымъ въ его „Воспоминаніи объ А. М. Бухаревѣ“, которое напечатано было въ Моск. Вѣд. за 1874 г. (№ 87). Погодинъ говоритъ, что, когда Митрополитъ выразилъ о. Теодору свое недовольство, по поводу представленнаго ему перваго изъ „Трехъ писемъ къ Гоголю“, за несвойственный, по его мнѣнію, ученому монаху выборъ предмета для его писательскаго труда; о. Теодоръ, безъ сомнѣнія, не оставилъ своего взгляда на дѣло невысказаннымъ. Конечно, онъ и предъ Митрополитомъ исповѣдалъ тѣ свои убѣжденія, которыя и привели его къ монашеству, — убѣжденія относительно непозволительности для „духовныхъ“ *смотрѣть „сложу руки“* на то, какъ „свѣтскіе“ ихъ братья трудятся и болѣзненно подвизаются въ дѣлѣ проведенія въ жизнь началъ истины Христовой, — *смотрѣть* безучастно, какъ они бьются — оставленные одними, терпя жестокія нападенія отъ другихъ. О. Теодоръ представлялъ Митрополиту, въ защиту начатаго имъ дѣла, что обязанность *духовныхъ* *утверждать* въ *вѣрѣ* братій своихъ, руководить, *исправлять* ихъ недоразумѣнія и ошибки въ этомъ благомъ дѣлѣ (Лк. XXII, 32. Іо. XXI, 15. Гал. VI. 1). Для о. Теодора начатое имъ дѣло было тоже дѣломъ его монашескаго подвига; письма къ Гоголю писаны были имъ во дни великаго поста, которые о. Теодоръ, въ этомъ же своемъ произведеніи, самъ называетъ днями особенной сосредоточенности. Но на горячую защиту своего дѣла о. Теодоръ слышалъ отъ Митрополита только краткіе отзывы: „это — глупо!“ „это — гордо!“ „это — глупо!“ Видя, что для дорогой ему Христовой истины нѣтъ доступа къ сердцу отца, о. Теодоръ въ горести замолчалъ. „Что же ты замолчалъ?“ — спрашиваетъ Митрополитъ, не слыша болѣе возраженій. „Я молчу потому“, отвѣчалъ о. Теодоръ, „что, сколько это отъ меня зависить, я не хотѣлъ бы говорить ни глупыхъ, ни

гордыхъ рѣчей“. Голосъ правды, такъ рѣдко въ присутствіи Митрополита Филарета исходившій изъ другихъ устъ, кромѣ его собственныхъ, долженъ былъ дойти до его правдолюбиваго сердца; и—дѣйствительно,—онъ тотчасъ же перемѣнилъ тонъ и сказалъ ласково: „Ну,—вотъ,—ты уже и разсердился“! Но,—конечно,—внутреннее сознание своей несправедливости къ подчиненному монаху не могло повліять на рѣшеніе Митрополита и выразилось только въ перемѣнѣ обращенія: Митрополитъ тотчасъ же перемѣнилъ тонъ разговора и сталъ обращаться съ своимъ собесѣдникомъ уважительно. Что же касается о. Ѳеодора, то весьма вѣроятно, что огорченіе, причиненное отказомъ въ дозволеніи напечатать Письма къ Гоголю не безвинно было въ болѣзни, постигшей о. Ѳеодора послѣ этой бесѣды съ Митрополитомъ, когда онъ нѣсколько недѣль пролежалъ въ семинарской больницѣ; когда же, по выздоровленіи, передъ отъѣздомъ въ Лавру, о. Ѳеодоръ опять явился къ Митрополиту, Владыка принялъ его съ особенной лаской и часа два провелъ въ отечески-откровенной бесѣдѣ съ нимъ, отказывая другимъ посѣтителемъ. Понять и оцѣнить самую правдивость молодого ученаго іеромонаха могутъ тѣ только, кому извѣстна крайняя безцеремонность обращенія покойнаго Митрополита Филарета съ своими подчиненными и—то, какъ все трепетало и безмолвствовало предъ его взоромъ и словомъ.

Этимъ разсказомъ заканчиваю ту часть моихъ „Воспоминаній объ о. Ѳеодорѣ“, которая обнимаетъ слышанное отъ другихъ, частію же и отъ него самого о его жизни, предшествовавшей личному моему знакомству съ нимъ, по пріѣздѣ его на службу въ Казанскую Академію. Но личнымъ моимъ воспоминаніямъ о немъ самомъ мнѣ хотѣлось бы предпослать краткій очеркъ той среды, въ которой привелось ему жить и дѣйствовать въ Казанской Академіи. Желających получить болѣе подробное представленіе объ этомъ общемъ фонѣ картины отсылаю къ несравненной по живости изображенія „Исторіи Казанской Духовной Академіи“ П. В. Знаменскаго. Здѣсь какъ живыя проходятъ передъ читателемъ ректоръ архим. Агаѳангель (т. I стр. 104—114), инспекторъ архимандритъ Серафимъ (118—124), помощникъ инспектора архимандритъ Веніаминъ (180—18), іеромонахи Діодоръ (131—132), Григорій (177—178) и наконецъ ректоръ,

архимандритъ Іоаннъ (186—215), при которомъ и по вліянію котораго закончилась академическая служба и дѣятельность о. Теодора въ Казани. Но здѣсь умѣстно будетъ сказать собственно о ректорѣ академіи Агаѳангелѣ, инспекторѣ Серафимѣ и помощникѣ его Веніаминѣ, служебною дѣятельностью которыхъ ближайшимъ образомъ подготовлена была среда студенчества, какъ почва для дѣятельности о. Теодора и какъ живой предметъ и радостей, и огорченій въ казанскій періодъ жизни о. Теодора. Дальнѣйшія измѣненія этой среды, подъ вліяніемъ новыхъ начальствующихъ и служащихъ лицъ въ Казанской Духовной Академіи обрисуются сами собой въ послѣдующемъ ходѣ моихъ воспоминаній.

Ректоръ Казанской Академіи архимандритъ Агаѳангелъ, скончавшійся въ 1876 г. архіепископомъ Волынскимъ, дважды въ теченіе своей служебной жизни обратилъ на себя вниманіе всего духовнаго міра въ Россіи: при началѣ своей духовно-учебной карьеры безыменнымъ донесеніемъ о распространеніи изъ С.-Петербургской Духовной Академіи перевода съ еврейскаго пророческихъ священныхъ книгъ, сдѣланнаго профессоромъ той академіи, прот. Герасимомъ Павскимъ; въ концѣ своего архипастырскаго служенія Преосвященный Агаѳангелъ, напротивъ, открыто выступилъ съ протестомъ, на который не осмѣливались другіе,—протестомъ противъ задуманной тогдашнимъ Оберъ-Прокуроромъ Свят. Синода гр. Д. А. Толстымъ реформы духовнаго суда. Проектомъ этой реформы глубоко возмущены были всѣ архипастыри церкви русской, считая его антиканоническимъ посягательствомъ на церковныя права и власть епископа; но открыто возвысить голосъ противъ Оберъ-Прокурора, непреклоннаго при проведеніи въ жизнь своихъ предначертаній, рѣшился одинъ только Архіепископъ Волынской, и то,—быть можетъ,—потому именно, что,—считая себя стоящимъ уже одной ногой въ могилѣ,—не страшился уже увольненія на покой ¹⁾. Его рѣзкій отзывъ далъ точку опоры при разсмотрѣніи въ Синодѣ отзывовъ, поступившихъ и отъ другихъ

¹⁾ Извѣстный капоиистъ Преосвящ. Алексій (Лавровъ), впоследствии архіеп. Литовскій, свое возраженіе на проектъ издалъ не отъ своего лица, а отъ имени свѣтскаго писателя—Елагина.

архипастырей, и—совсѣмъ уже готовая было—реформа суда духовнаго была отклонена. Но и тотъ и другой протестъ свидѣтельствовали объ энергіи, какою одаренъ былъ отъ природы молодой іеромонахъ или престарѣлый архіепископъ—Агаѳангель. О. Теодоръ и по годамъ, и по службѣ на десять лѣтъ былъ моложе своего начальника по Казанской Академіи, архим. Агаѳангела; въ Московской Академіи онъ встрѣтился съ нимъ очень лишь на короткое время. Когда въ 1842 г. студентъ Тверской семинаріи Александръ Бухаревъ поступилъ въ академію, іеромонахъ Агаѳангель, только что сдѣланный инспекторомъ академіи, въ сентябрѣ того же года уже оставилъ ее, былъ возведенъ въ санъ архимандрита и посланъ на ректуру въ Харьковъ. Но едва ли пригодилось бы чѣмъ нибудь прежнее знакомство о. Теодора съ его новымъ начальникомъ: говорятъ—архимандритъ, потомъ епископъ, на послѣдокъ архіепископъ Агаѳангель каждымъ своимъ служебнымъ перемѣщеніемъ пользовался, чтобы на новомъ мѣстѣ служенія начать жить не такъ, какъ жилъ на прежнемъ мѣстѣ; если же это правда, то значить,—онъ постоянно игралъ роль и нигдѣ не былъ самъ собою,—постоянно пародировалъ предъ окружающими, рассчитывая на эффектъ. Въ Казанской Академіи онъ изображалъ изъ себя администратора—съ непреклонной волей,—съ безапелляціонными рѣшеніями. Но даже и отъ студентовъ академіи не могло укрыться, что этотъ,—такой „важный“—ректоръ самъ себя цѣнитъ не по своей оцѣнкѣ, а по благоволенію къ нему начальства, по расположенію къ нему общества, что не могло способствовать образованію истиннаго къ нему уваженія въ средѣ студенчества. Не пользовался онъ уваженіемъ въ академіи и какъ ученый. Конечно, изъ семинарій въ академіи поступали самые даровитые воспитанники,—человѣка 2,—3 изъ 80 и болѣе окончивавшихъ курсъ въ данномъ году, изъ числа этихъ отборныхъ при академіяхъ оставляемы были опять лишь самые даровитѣйшіе; потому, говоря вообще, въ средѣ академическихъ преподавателей, изъ которыхъ комплектуется и персоналъ начальствующихъ въ академіи, не можетъ быть положительно бездарныхъ. Но какъ въ одномъ, не помню его названія,—въ одномъ голландскомъ городкѣ, населенномъ исключительно милліонерами,—все же оказывается раздѣленіе обы-

вателей на богатыхъ и бѣдныхъ; такъ и въ корпораціяхъ дѣятелей науки при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не всякому удастся составить себѣ и удержать за собою репутацію умнаго профессора. Не составилъ себѣ такой репутаціи и ректоръ Агаѳангелъ въ Казани. Самообольщеніемъ оказался и воображаемый имъ въ себѣ талантъ администратора, дающаго по своей волѣ ходъ и направленіе ввѣренному ему учрежденію. Казанская Академія въ ректорство архимандрита Агаѳангела представляла собою хорошо налаженную предмѣстниками его машину: а машинистомъ былъ инспекторъ—архимандритъ Серафимъ.

Не много могу я сообщить изъ личныхъ моихъ воспоминаній къ характеристикѣ отношеній, какія должны были установиться между ректоромъ академіи Агаѳангеломъ и архимандритомъ Теодоромъ. Предметомъ толковъ между нами-студентами прежде всего послужилъ опытъ ихъ совмѣстной писательской дѣятельности. При Казанской академіи въ 1855 г. основанъ былъ духовный журналъ—„Православный Собесѣдникъ“. Въ первыхъ же книжкахъ новаго журнала появилась статья „Новозавѣтный законъ въ сравненіи съ ветхозавѣтнымъ“. Подъ такимъ заглавіемъ предложено объясненіе нагорной бесѣды Христа Спасителя по евангелію отъ Матѳея. Статья напечатана безъ имени автора,—по обычаю того времени ни въ одномъ изъ духовныхъ академическихъ журналовъ имена авторовъ не печатались. И какъ случилось, что ректоръ Агаѳангелъ и о. Теодоръ приняли небывалый опытъ совмѣстнаго авторства,—намъ осталось неизвѣстнымъ; но нетрудно было всякому видѣть, гдѣ кончалась работа одного автора, и гдѣ начиналась рѣчь другаго. Ректору принадлежитъ въ статьѣ сухой перифразъ буквы, изложеннаго у евангелиста, Христова ученія,—перифразъ, похожій на наши учебники по Закону Божию для начальной школы. Въ это объясненіе буквы, которая въ буквальномъ объясненіи вовсе и не нуждалась, о. Теодоръ вложилъ духовное пониманіе Христова слова, обращеннаго къ геннисаретскимъ рыбакамъ, ихъ женамъ и дѣтямъ. Это были тѣ же объясненія Христова ученія о любви ко врагамъ, о непротивленіи злу, о клятвѣ, о разводѣ и пр., какія послѣ напечатаны были о. Теодоромъ въ книгѣ „О новомъ завѣтѣ Господа нашего Иисуса Христа“. Ректоръ не могъ не при-

знать справедливости словъ Митрополита Филарета, что въ лицѣ о. Феодора онъ посылаетъ цѣнный даръ молодой академіи отъ старшей сестры ея.

Онъ и не преминулъ воспользоваться этимъ даромъ, однако попытка не имѣла успѣха. Былъ тогда въ Казани помѣщичій домъ Горемыкиныхъ, куда собирались потолковать „о матеріяхъ важныхъ“ посвободнѣе, чѣмъ это можно было въ клубѣ. Здѣсь бывали представители университетской науки; бывалъ и ректоръ Агаѳангель, какъ представитель духовной учености. Когда въ дебатахъ Горемыкинскаго салона задѣвались вопросы, соприкосновенные богословской области или когда и общіе вопросы трактовались людьми науки независимо отъ началъ „православія, самодержавія и народности“, ректору нельзя было не выступать представителемъ и защитникомъ православно-церковныхъ воззрѣній; но едва ли онъ могъ чувствовать себя побѣдителемъ на этихъ словесныхъ турнирахъ. И вотъ ему, по складу своего ума, обладавшему свойствомъ все видѣть ясно и всѣ вопросы рѣшать просто, понадобился и пригодился теперь этотъ не блестящій и не рѣчистый выходецъ Московской академіи, который и давно всѣмъ извѣстные вопросы рѣшаетъ какъ-то по новому и говоритъ мудрено о томъ, что прежде всѣмъ казалось ясно и просто. Побывалъ о. Феодоръ на этихъ вечерахъ у Горемыкиныхъ, послушали его сторонники невѣрующей науки; увидали, конечно, что они говорятъ на разныхъ съ нимъ языкахъ и замолчали. Такъ и не удалось о. ректору сдѣлать о. Феодора присяжнымъ полемистомъ Церкви на Горемыкинскихъ вечерахъ. Не хотѣлъ бывать на нихъ и другой представитель богословской науки въ Казанской академіи,—инспекторъ Серафимъ, который съ своимъ діалектическимъ умомъ, какъ разъ подходилъ бы къ назначенію—заграждать уста противящимся истинѣ (Тит. I, 11; 2 Тим. III, 8).

Разсказъ свой объ отношеніяхъ между ректоромъ академіи Агаѳангеломъ и о. Феодоромъ закончу воспоминаніемъ о двухъ огорченіяхъ, которыя привелось о. Феодору испытать отъ ректора. Первое—это, когда ректоръ увидалъ на о. Феодорѣ орденъ не на такой ленточкѣ, на какой полагалось носить его; другое—было серьезнѣе. Не могу утверждать,—потому что слышалъ этотъ разсказъ отъ человѣка, который самъ

ничего не смыслилъ въ лентахъ и орденахъ,—но, по всей вѣроятности, дѣло было въ употребленіи александровской ленты вмѣсто анненской. Чтò удивительнаго, что о. Феодоръ никакого вниманія не обратилъ на то обстоятельство, что на красной лентѣ, къ которой пришили ему орденскій крестъ, нѣтъ узенькой желтой полоски по краямъ; а о. Ректоръ увидалъ въ этомъ чуть не государственное преступленіе и разбранилъ кавалера, незнающаго толка въ кавалеріяхъ. Но, какъ скоро разсѣялись въ воздухѣ раскаты грома изъ устъ ректора, такъ и забылась эта—въ сущности забавная—исторія. Другое огорченіе не такъ дешево обошлось о. Феодору; оно стоило ему одного изъ болѣзненныхъ припадковъ унынія, дѣлавшихъ его неспособнымъ на нѣкоторое время ни къ какому занятію. Это было огорченіе, когда ректоръ не принялъ отъ о. Феодора его отчетъ о ревизіи Симбирской духовной семинаріи, какъ не удовлетворявшій требованіямъ канцелярской формы. У о. Феодора не было и не могло быть двухъ точекъ зрѣнія: одной—для дѣлъ земныхъ,—житейскихъ,—другой для дѣлъ духовныхъ; потому и не могъ онъ понять, чтобы о результатахъ ревизіи духовной семинаріи,—о дѣлѣ образованія и воспитанія въ духовно-учебномъ заведеніи можно было говорить не какъ о дѣлѣ собственно Христовомъ, а—какъ нибудь иначе. Ректоръ же академіи Ага-еангель не могъ допустить и мысли, чтобы въ дѣловыя бумаги Академическаго Правленія вторгался богословскій элементъ,—съ своимъ богословскимъ языкомъ; еще менѣе могъ онъ допустить въ отчетѣ о ревизіи тѣ своеобразныя выраженія, безъ которыхъ не могъ обходиться о. Феодоръ при изложеніи своихъ богословскихъ воззрѣній. И такъ ректоръ потребовалъ отъ ревизора переработать отчетъ о ревизіи,—да и не въ однихъ только выраженіяхъ, а—по существу, такъ какъ и содержаніе представленнаго о. Феодоромъ отчета не укладывалось въ рамки официальныхъ рубрикъ ревизорскаго отчета. Ревизорскій отчетъ о состояніи образованія и воспитательной части въ духовно-учебномъ заведеніи, освѣщенный свѣтомъ, исходящимъ отъ креста Христова, казался о. ректору такой же непозволительной несообразностью, какъ анненскій крестъ на александровской лентѣ: а для о. Феодора требуемое отъ него умолчаніе въ отчетѣ о Христвѣ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ грѣхи міра

и объ отношеніи и этому дѣлу Христову духовно-воспитательнаго дѣла въ Симбирской семинаріи представлялось требованіемъ отступничества отъ Христа. Не знаю уже,—въ передѣланномъ или не въ передѣланномъ видѣ лежитъ въ архивѣ Казанской Духовной Академіи этотъ отчетъ, стоившій столько крови его составителю. (См. Ист. Каз. Ак. т. I. стр. 341).

Можетъ быть послѣ этихъ разсказовъ понятнѣе будетъ, если я скажу, что о. Феодоръ къ ректору академіи Агаангелу могъ имѣть только случайныя и служебныя отношенія,—отношенія подчиненнаго къ начальнику, а не чело-вѣка къ чело-вѣку; очень ужъ далеко и глубоко чело-вѣкъ былъ запрятанъ подъ рясой и клобукомъ въ архим. Агаангелъ—служиломъ чело-вѣкъ духовнаго вѣдомства. Только уже оставляя академію, по назначеніи въ викаріи митрополиту С.-Петербургскому Григорію, выдалъ архим. Агаангелъ свое внутреннее отношеніе къ этому монаху—совсѣмъ не Синодальнаго періода, а точно какъ будто бы современнику Исидора Пелусіота или долгихъ братьевъ: уѣзжая, онъ пожелалъ исповѣдаться у о. Феодора; и это уже—не на-показъ, такъ какъ никто не зналъ и не могъ знать о томъ; много лѣтъ уже спустя, какъ-то къ слову, сказали мнѣ объ этомъ о. Феодоръ.

Совсѣмъ иного рода отношенія установились у о. Феодора, по пріѣздѣ его въ Казань, съ тогдашней инспекціей Академіи архим. Серафимомъ и архим. Веніаминомъ; здѣсь вскорѣ почувствовалась рознь принципиальная, а не случайная,—рознь въ самомъ направленіи, а не отъ разности личныхъ вкусовъ или отъ столкновенія личныхъ интересовъ.

Можно было бы предположить, что архим. Феодоръ и архимандритъ Серафимъ должны были хорошо уже знать одинъ другаго задолго еще до встрѣчи своей на службѣ въ Казани, гдѣ одинъ былъ уже инспекторъ академіи, а другой,—легко было предвидѣть, пріѣхалъ въ качествѣ готоваго преемника ему по инспекторству. Когда—теперь уже архим. Серафимъ, а прежде Сем. Ив. Протопоповъ былъ студентомъ старшаго курса Академіи, Александръ Матв. Бухаревъ—студентъ младшаго курса,—2 года жилъ въ одномъ „номерѣ“ съ первымъ. На самомъ же дѣлѣ, при встрѣчѣ своей въ Казани, ни тотъ ни другой не могли признать въ

лицѣ своего прежняго сотоварища „старого знакомаго“. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ студентѣ младшаго курса Александрѣ Бухаревѣ въ первые два года его академической жизни, когда С. И. Протопоповъ, какъ „Старшій“, по обязанности долженъ былъ наблюдать и аттестовать его характеръ и поведеніе, далеко еще не сложился бакалавръ и профессоръ іеромонахъ Теодоръ; еще менѣе самъ о. Теодоръ могъ признать въ архимандритѣ Серафимѣ прежняго студента—москвича С. И. Протопопова. Въ Московской академіи студенты—москвичи всегда составляли какъ бы аристократію своего рода,—и по костюму, и по манерамъ,—благодаря тому обстоятельству, что между ними большинство было дѣти московскаго, обладавшаго средствами, духовенства. Изъ среды другихъ студентовъ Московской академіи,—бывшихъ семинаристовъ особенно долженъ былъ отличаться и достаткомъ, и свѣтскостью пріемовъ С. И. Протопоповъ—сынъ богатаго московскаго протоіерея, учитель дѣтей въ домѣ извѣстнаго министра финансовъ при Государѣ Николаѣ Павловичѣ,—графа Канкринна. И въ началѣ своей Казанской академической службы С. И. Протопоповъ былъ еще душою свѣтскаго общества,—неутомимымъ танцоромъ вечеровъ, дорогимъ для всѣхъ гостемъ, разливавшимъ вокругъ оживленіе и веселье. Какъ вдругъ,—что-то такое случилось и—умеръ прежній Сем. Ив. Протопоповъ!.. его мѣсто заступилъ живой мертвецъ—монахъ Серафимъ. Когда въ 1854 году я поступилъ въ Казанскую академію, семь лѣтъ уже прошло со времени постриженія о. Серафима; онъ былъ уже архимандритомъ; но и я засталъ еще мертвую оболочку этой мертвой души,—нѣтъ, пожалуй,—не мертвой,—но—видимо—пережившей состояніе смерти: тусклые мертвые глаза, слабый,—едва слышный голосъ, медленные, размѣренные движенія,—а особенно эти глаза мертвеца производили и на другихъ угнетающее, мертвящее дѣйствіе; когда черезъ 30 лѣтъ я снова увидаль его уже престарѣлымъ епископомъ,—онъ былъ много живѣе прежняго,—и взглядомъ, и рѣчью, и въ движеніяхъ. Если въ духовномъ подвигѣ смерти для земнаго міра нужны и могутъ быть руководители, то бакалавръ Казанской академіи С. И. Протопоповъ встрѣтилъ себѣ такого руководителя въ лицѣ профессора той же академіи, архимандрита Антонія (Радонежскаго),

бывшаго послѣ епископомъ Уфимскимъ, потомъ—Оренбургскимъ, потомъ членомъ Московской Синодальной Конторы,—безъ управленія какою-либо епархією, и наконецъ уволеннаго на покой отъ всякихъ дѣлъ управленія. Преосвящ. Серафимъ, какъ скоро получилъ въ самостоятельное управленіе епархію, взялъ его къ себѣ въ Смоленскъ, гдѣ и покоилъ его до смерти въ одномъ изъ Смоленскихъ монастырей. Этотъ-то епископъ, а тогда еще архимандритъ Антоній тоже пережилъ въ свое время „горечь смерти“ (1 Цр. XV, 32): онъ тоже нѣкогда веселый, молодой, здоровый, жизнерадостный—схоронивши нѣжно любимую, молодую красавицу жену, съ которой и года,—кажется,—не прожилъ послѣ брака, тотчасъ же принялъ монашество и вскорѣ изъ Нижегородской семинаріи, гдѣ былъ профессоромъ, вызванъ былъ на профессорскую кафедру въ Казанскую академію. Между его постриженіемъ и постриженіемъ С. И. Протопопова не насчитывается и трехъ лѣтъ разстоянія; а отношеніе духовнаго сыновства о. Серафима къ архимандриту Антонію и глубокое, до конца жизни уваженіе преосвящ. Серафима къ памяти его учителя въ жизни духовной не оставляетъ никакого мѣста сомнѣнію въ томъ, что архим. Антоній своимъ словомъ и примѣромъ указалъ С. И. Протопопову въ монашествѣ желанный гробъ для потерпѣвшаго какое-то смертельное пораженіе духа его. Но архим. Антоній, научивши своего ученика умереть для міра, не могъ дать ему начала для новой духовной жизни. Изъ ученика вышелъ образцовый монахъ, далеко позади себя оставившій въ этомъ отношеніи своего учителя, но не тотъ „праведникъ“, которому „не лежитъ уже законъ“ (1 Тим. 1, 9), потому что онъ стоитъ уже выше требованій закона; изъ ученика, по подобію его учителя, вышелъ праведникъ, живущій по началу: „сотворившій все повелѣнное“ въ законѣ,—тѣмъ самымъ,—исполненіемъ закона—и „будетъ живъ“ духовно (Рим. X, 5).

Это, столь распространенное у насъ начало богоугожденія еще до инспекторства о. Серафима положено было въ основу инспекторской воспитательной дѣятельности, а при немъ студенческая жизнь доведена была до небывалой высоты съ этой точки зрѣнія,—до небывалой строгости въ выполненіи этого начала; студенческая корпорація являлась образцово-

послушной исполнительницей воли начальства и уставныхъ правилъ внѣшняго благоповеденія. Идеаль морали, разработанной въ католичествѣ, чтобы живой человекъ сталъ *instar ac cadaver*,—движимый только волею начальства, этотъ идеаль,—казалось,—близокъ былъ къ осуществленію. Бѣда была лишь въ томъ, что не было духа, оживлявшаго сухія кости (Иезек. XXXVII, 8)... Не могъ не замѣтить такого направленія въ жизни Казанской академіи, когда пріѣхалъ сюда, о. Ѳеодоръ. Вѣрный ученикъ ап. Павла, онъ увидалъ въ ней то самое направленіе, противъ котораго всю жизнь свою велъ борьбу апостоль, —направленіе возврата отъ благодати къ закону. Съ самаго начала своей академической службы въ Казани сталъ о. Ѳеодоръ открыто высказываться противъ такого направленія, а это не могло не отозваться нѣкоторымъ разладомъ между нимъ и между наличными заправителями тогдашней академической жизни. Инспекторъ академіи о. Серафимъ и бывший помощникъ его по должности инспектора о. Веніаминъ, котораго замѣнилъ потомъ въ этой должности іеромонахъ Григорій, были монахи по образу жизни безукоризненные; но всякій новый Савль,—ревнитель праведности по закону, чѣмъ болѣе являлся „по правдѣ законной непорочнымъ“ (Филип. III, 6), тѣмъ сильнѣе должна была дѣйствовать проповѣдь самой его жизни, тѣмъ успѣшнѣе долженъ былъ онъ своимъ примѣромъ закрѣплять и другихъ въ направленіи—возлагать надежду спасенія на исполненіе закона. Такой именно живой проповѣдью новоіудейства,—оправданія закономъ, а не благодатию являлась о. Ѳеодору инспекція Казанской Духовной Академіи въ лицѣ образцовыхъ монаховъ о. Серафима и о. Веніамина. И наоборотъ, все, что доходило до ихъ слуха изъ бесѣдъ о. Ѳеодора съ студентами,—въ аудиторіи ли, въ профессорской ли его квартирѣ объ іудейскомъ направленіи и фарисейскомъ самооправданіи, если и не истолковывалось въ смыслѣ прямыхъ намековъ на лица, тѣмъ не менѣе болѣзненно затрогивало чувствительность предшественниковъ о. Ѳеодора и должно было казаться несправедливымъ перетолкованіемъ истинно-православнаго направленія; они видѣли въ о. Ѳеодорѣ опаснаго мечтателя, который своей проповѣдью о спасеніи благодатию и умаленіемъ закона предъ благодатию можетъ подорвать существующіе порядки академической

жизни,—расшатать укрѣпленную цѣлыми годами строгой дисциплины добропорядочность студенческаго поведенія.

Здѣсь же, нѣсколько упреждая порядокъ времени, скажу, что на сторонѣ духовнаго направленія, поддерживавшагося въ Казанской Академіи преемствомъ архим. Антонія, архим. Серафима, архим. Веніамина, былъ и іеромонахъ Григорій,—бывшій потомъ помощникомъ по инспекціи самаго о. Теодора и доселѣ проживающій на покоѣ въ одномъ изъ монастырей Москвы, въ санѣ епископа, послѣ управления епархіями Туркестанскою, а потомъ Омскою. Въ своихъ лекціяхъ по Священному Писанію о. Григорій являлся какъ бы ученикомъ о. Теодора, потому что широко пользовался его Московскими лекціями; но по духу и направленію это былъ такой же ставленникъ о. Веніамина, какъ и самъ о. Веніаминъ былъ ставленникомъ отца Серафима.

Въ заключеніе настоящаго предисловія къ „Моимъ воспоминаніямъ объ о. Теодорѣ“ скажу, что и самъ я воспитанъ былъ въ направленіи „правды законной“,—былъ „дитя закона“, какъ назвалъ меня однажды о. Теодоръ. Послушный, исполнительный, сдержанный,—вообще образцовый по поведенію,—набожный,—наконецъ,—или, какъ у насъ часто говорить,—вмѣсто „набожный“—благочестивый, не различая благочестія и набожности,—я изъ числа всѣхъ студентовъ Академіи былъ особенно любимъ и о. Серафимомъ, и о. Веніаминомъ. Воздѣйствіе на меня о. Теодора и мое перевоспитаніе, подъ его вліяніемъ, должно придавать моимъ воспоминаніямъ особое значеніе,—значеніе типическаго,—такъ сказать,—изображенія того воздѣйствія, какое оказывалъ о. Теодоръ,—въ большей или меньшей мѣрѣ,—на всѣхъ вообще студентовъ академіи,—изображеніе воспитательнаго его вліянія на среду академическаго студенчества.

Протоіерей В. Лаврскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
